

Избранная

Автор:

Вероника Рот

Избранная

Вероника Рот

Мятежная #1

В мире, где живет Беатрис Прайор, люди делятся на пять фракций, каждая из которых посвящена определенному качеству человеческой личности. Эти фракции – Правдолюбие, Альтруизм. Лихость, Товарищество и Эрудиция. Каждый год в определенный день подростки, достигшие 16 лет, имеют право выбрать свой путь. От того, что решит Беатрис, зависит, останется ли она со своей семьей или станет тем, кем ей хочется быть на самом деле. И девушка делает выбор, который удивляет всех, в том числе и ее саму. Ее жизнь меняется окончательно и бесповоротно. У нее появляются новые друзья, новые обязанности и новые чувства – любовь к немного нелюдимому и загадочному наставнику. Однако у Трис есть и собственная тайна, смертельно опасная для нее в том случае, если кто-то проведаёт о ней. И эта тайна вот-вот может быть раскрыта...

Книга также выходила под названием «Дивергент».

Вероника Рот

Избранная

Моей матери, подарившей мне эпизод, когда Беатрис осознает, насколько сильна ее мать, и недоумевает, отчего не замечала этого так долго

Veronica Roth

DIVERGENT

Copyright © 2011 by Veronica Roth

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books, a division of
HarperCollins Publishers Faction symbol art

© 2011 by Rhythm & Hues Design Jacket art and design by Joel Tippie

© Киланова А., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

В моем доме всего одно зеркало. Оно спрятано за подвижной панелью в коридоре наверху. Наша фракция разрешает мне смотреться в него во второй день каждого третьего месяца, – день, когда мама подстригает мне волосы.

Я сижу на стуле, а она стоит за спиной и щелкает ножницами. Пряди падают на пол тусклым светлым кольцом.

Закончив, мама убирает мои волосы назад и стягивает в узел. Я замечаю, какой спокойной она выглядит, насколько она сосредоточенна. Она достигла мастерства в искусстве отрешения. О себе я не могу сказать того же.

Пока она не смотрит, я украдкой бросаю взгляд на свое отражение – не из тщеславия, а из любопытства. За три месяца внешний вид человека может очень сильно измениться. В стекле отражается узкое лицо, большие круглые глаза и длинный тонкий нос – я по-прежнему похожа на ребенка, хотя несколько

месяцев назад мне исполнилось шестнадцать. Другие фракции отмечают дни рождения, но не мы. Это было бы потаканием нашим прихотям.

– Готово, – говорит мама, закрепив узел шпильками.

Наши взгляды встречаются в зеркале. Слишком поздно отводить глаза, но, вместо того чтобы отругать меня, мама улыбается нашему отражению. Я чуть хмрюсь. Почему она не выговаривает мне за то, что я смотрю в зеркало?

– Итак, день настал, – произносит она.

– Да, – отвечаю я.

– Ты волнуешься?

Я мгновение смотрю себе в глаза. Сегодня день проверки склонностей, которая покажет, какая из пяти фракций мне подходит. А завтра, на Церемонии выбора, я решу, в какую фракцию вступить; я определю всю свою будущую жизнь; я решу, остаться с семьей или покинуть ее.

– Нет, – говорю я. – Тесты не должны повлиять на наш выбор.

– Правильно, – улыбается мама. – Идем завтракать.

– Спасибо. За то, что подстригла мне волосы.

Она целует меня в щеку и закрывает зеркало панелью.

Мне кажется, мать была бы красивой в другом мире. Под ее серым балахоном – худощавое тело. У нее высокие скулы и длинные ресницы, и, когда она распускает волосы на ночь, они волнами ниспадают на плечи. Но в Альтруизме она должна скрывать свою красоту.

Мы вместе идем на кухню. В такие утра, когда мой брат готовит завтрак, когда рука отца ерошит мне волосы, пока он читает газету, а мать напевает себе под нос, убирая со стола, – в такие утра мне особенно стыдно, что я хочу их покинуть.

В автобусе воняет выхлопными газами. Каждый раз, как он налетает на неровный участок мостовой, меня швыряет из стороны в сторону, хотя я держусь за сиденье обеими руками.

Мой старший брат Калеб стоит в проходе и держится за поручень над головой. Мы с ним не похожи. У него темные волосы и горбатый нос, как у отца, и зеленые глаза и ямочки на щеках, как у матери. Когда он был младше, подобное сочетание черт казалось странным, но теперь оно ему идет. Если бы он не был альтруистом, уверена, в школе на него бы заглядывались.

Он также унаследовал мамин дар к самопожертвованию. Он уступил свое место угрюмому правдолюбу, ни секунды не размышляя.

На правдолюбье черный костюм с белым галстуком – стандартная униформа Правдолюбия. Их фракция ценит честность и видит истину в черно-белом свете, вот почему они так одеваются.

По мере того как мы приближаемся к центру города, промежутки между домами становятся все более узкими, а дороги – ровными. Здание, которое когда-то носило название Сирс-тауэр – мы называем его «Втулкой», – выплывает из тумана, черный столб на горизонте. Автобус проезжает под эстакадой. Я ни разу не ездила на поезде, хотя они не переставали ходить и рельсы проложены повсюду. На поездах ездят только лихачи.

Пять лет назад добровольцы-рабочие из Альтруизма заменили покрытие на некоторых дорогах. Они начали с центра города и шли к окраинам, пока не кончились материалы. Дороги рядом с моим домом по-прежнему потрескавшиеся и неровные, и ездить по ним небезопасно. Впрочем, у нас все равно нет машины.

Пока автобус раскачивается и подпрыгивает на дороге, лицо Калеба остается безмятежным. Он хватается за поручень в поисках равновесия, и рукав серого балахона спадает с его плеча. По непрерывному движению его глаз понятно, что он наблюдает за окружающими – старается видеть только их и забыть о себе. Правдолюбы ценят честность, но наша фракция, Альтруизм, ценит самоотверженность.

Автобус останавливается перед школой, и я встаю и протискиваюсь мимо правдолюбца. Перешагивая через ботинки мужчины, я хватаюсь за руку Калеба. У меня слишком длинные брюки, и я никогда не была особенно грациозной.

Здание Верхних ступеней – самое старое из трех городских школ: Нижних ступеней, Средних ступеней и Верхних ступеней. Как и окружающие дома, оно построено из стекла и стали. Перед ним стоит большая металлическая скульптура, на которую лихачи залезают после уроков, подстрекая друг друга забираться все выше и выше. В прошлом году я видела, как одна лихачка упала и сломала ногу. Это я сбегала за медсестрой.

– Сегодня проверка склонностей, – говорю я.

Калев старше меня меньше чем на год, поэтому мы учимся в одном классе.

Он кивает, когда мы входим в парадную дверь. В тот же миг все мои мышцы напрягаются. Атмосфера пронизана голодом, как будто каждый шестнадцатилетка пытается выжать все возможное из своего последнего дня. Вероятно, после Церемонии выбора нам больше не придется ходить по этим коридорам: как только мы примем решение, нашим образованием займутся наши новые фракции.

Уроки сегодня урезаны вдвое, чтобы мы успели посетить их до проверки склонностей, которая начнется после обеда. Мое сердце уже бьется в ускоренном темпе.

– Тебя ничуть не волнует, что покажет проверка? – спрашиваю я Калеба.

Мы останавливаемся на развилке, откуда он пойдет в одну сторону, на углубленный курс математики, а я – в другую, на историю фракций.

Он вздергивает бровь.

– А тебя?

Я могла бы сказать ему, что много недель переживаю из-за того, что покажет проверка – Альтруизм, Правдолюбие, Эрудицию, Товарищество или Лихость.

Вместо этого я улыбаюсь и говорю:

– Не очень.

Он улыбается в ответ.

– Что ж... приятного дня.

Я иду на историю фракций, покусывая нижнюю губу. Он так и не ответил на мой вопрос.

В коридорах тесно, хотя свет из окон создает иллюзию простора; в нашем возрасте это единственное место, где фракции смешиваются. Сегодня толпа пропитана новой энергией, ажиотажем последнего дня.

Девочка с длинными кудрявыми волосами кричит «Эй!» у меня над ухом, махая подружке вдалеке. Рукав пиджака задевает мою щеку. Затем меня толкает эрудит в голубом свитере. Я теряю равновесие и падаю на пол.

– С дороги, Сухарь! – рявкает он и идет дальше по коридору.

У меня вспыхивают щеки. Я встаю и отряхиваюсь. Несколько человек остановились, когда я упала, но никто не предложил мне помощь. Их взгляды провожают меня до конца коридора. Подобные случаи происходят с членами моей фракции уже несколько месяцев: Эрудиция издает враждебные отчеты об Альтруизме, и это начало влиять на отношения в школе. Серая одежда, простая прическа и скромные манеры моей фракции должны помочь мне забыть о себе, а также помочь всем остальным забыть обо мне. Но сейчас они делают меня мишенью.

Я останавливаюсь у окна в крыле «Е» и жду, когда придут лихачи. Я каждое утро так делаю. Ровно в 7.25 лихачи подтверждают свою отвагу, спрыгивая с движущегося поезда.

Отец называет лихачей бузотерами. Они покрыты пирсингом и татуировками и носят черную одежду. Их главная задача – охранять ограду вокруг нашего города. От чего – я не знаю.

Они должны приводить меня в замешательство. Я должна недоумевать, какая связь между смелостью – добродетелью, которую они ценят превыше всего, – и металлическим кольцом в носу. Вместо этого я не могу отвести от них глаз.

Поезд пронзительно гудит, звук эхом отдается у меня в груди. Фонарь, приделанный спереди к паровозу, включается и выключается, когда поезд проносится мимо, визжа на железных рельсах. Остается всего несколько вагонов, и тут куча молодых парней и девчонок в темной одежде высыпается из мчащихся вагонов, кто-то падает и катится, остальные пробегают пару шагов и обретают равновесие. Один из мальчиков, смеясь, обнимает девочку за плечи.

Наблюдать за ними – глупая привычка. Я отворачиваюсь от окна и пробираюсь сквозь толпу в класс истории фракций.

Глава 2

Проверка начинается после обеда. Мы сидим за длинными столами в столовой, и распорядители называют по десять имен за раз, по одному для каждой проверочной комнаты. Я сижу рядом с Калемом и напротив нашей соседки Сьюзен.

Отец Сьюзен ездит на работу через весь город, поэтому у него есть машина и он подвозит дочь в школу и домой каждый день. Он предлагал подвозить и нас, но, как говорит Калев, мы предпочитаем выходить из дома попозже и не хотим доставлять ему неудобств.

Ну конечно, не хотим.

Распорядители – в основном добровольцы-альтруисты, хотя в одной из проверочных комнат сидит эрудит, а в другой – лихач, чтобы проверять альтруистов, потому что правила запрещают проверку членами собственной фракции. В правилах также говорится, что мы не можем подготовиться к тесту, поэтому я не знаю, чего ожидать.

Я перевожу взгляд со Сьюзен на столы лихачей на другой стороне комнаты. Лихачи смеются, кричат и играют в карты. За третьей группой столов эрудиты щебечут над книгами и газетами в вечном поиске знаний.

Стайка товарок в желтом и красном сидят кружком на полу и играют в ладушки, читая стишок. Каждые несколько минут раздается взрыв смеха, когда одна из них выбывает и садится в середине круга. За столом рядом с ними размахивают руками правдолюбы. Кажется, они спорят о чем-то, но вряд ли всерьез, ведь некоторые из них продолжают улыбаться.

Мы за столом Альтруизма сидим тихо и ждем. Традиции фракций регулируют даже праздное поведение и подавляют личные предпочтения. Сомневаюсь, что все эрудиты хотят учиться дни напролет или что всем правдолюбам по душе жаркий спор, но они могут пренебречь обычаями своих фракций не больше меня.

Имя Калеба называют в следующей группе. Он уверенно идет к выходу. Мне незачем желать ему удачи или заверять, что беспокоиться не о чем. Он знает, где его место, и, насколько мне известно, всегда знал. Мое самое раннее воспоминание о брате – когда нам было по четыре года. Он выбрал меня за то, что я не отдала свою скакалку маленькой девочке на детской площадке, которой было не с чем играть. Сейчас он редко читает мне нотации, но я навсегда запомнила неодобрение на его лице.

Я пытаюсь объяснить ему, что у меня другие инстинкты – мне даже не пришло в голову уступить место правдолюбам в автобусе, – но он не понимает.

«Просто делай, что должно», – всегда говорит он. Для него все так просто. Но не для меня.

У меня сжимается желудок. Я закрываю глаза и открываю только через десять минут, когда Калев садится на место.

Он весь белый как мел. Он прижимает ладони к коленям – я так делаю, если хочу стереть с них пот, – затем отрывает их, и его пальцы дрожат. Я открываю рот, чтобы о чем-то спросить, но слова не вылетают. Я не вправе спрашивать его о результатах, а он не вправе отвечать мне.

Доброволец-альтруист называет имена следующего круга. Двое из Лихости, двое из Эрудиции, двое из Товарищества, двое из Правдолюбия, и наконец: «Из Альтруизма: Сьюзен Блэк и Беатрис Прайор».

Я встаю, потому что должна, но, будь моя воля, я оставалась бы на месте до конца проверки. В груди словно надувается пузырь, который с каждой секундой становится все больше и больше, угрожая разорвать меня изнутри. Я иду за Сьюзен к выходу. Люди, мимо которых я прохожу, наверное, не различают нас. Мы носим одинаковую одежду и одинаково причесываем свои светлые волосы. Единственная разница – то, что Сьюзен, вероятно, не тошнит и, насколько я могу судить, ее руки не дрожат так сильно, что приходится держаться за подол рубашки.

Рядом со столовой выстроились в ряд десять комнат. Они используются только для проверки склонностей, так что я ни разу не бывала в них прежде. В отличие от остальных комнат в школе они отделены не стеклами, а зеркалами. Я наблюдаю за собой, бледной и испуганной, идущей к одной из дверей. Сьюзен нервно улыбается мне и заходит в комнату 5, а я захожу в комнату 6, где меня ждет лихачка.

Она не кажется такой суровой, как молодые лихачи, которых я встречала. У нее маленькие темные глаза с заостренными уголками; на ней черный пиджак – как от мужского костюма – и джинсы. Лишь когда она поворачивается, чтобы закрыть дверь, я вижу татуировку на ее шее: черно-белого ястреба с красным глазом. Если бы у меня в горле не стоял ком, я спросила бы, что это значит. Это наверняка что-то значит.

Внутренние стены комнаты покрыты зеркалами. Я вижу свое отражение со всех ракурсов: серая ткань, скрывающая очертания спины, длинная шея, узловатые пальцы, красные от прилива крови. Потолок светится белым. Посередине комнаты стоит откидывающееся кресло, как у стоматолога, а рядом с ним – машина. В подобном месте должны происходить ужасные вещи.

– Не бойся, – говорит женщина, – это не больно.

У нее черные прямые волосы, но на свету я вижу в них прожилки седины.

– Садись и устраивайся поудобнее, – продолжает она. – Меня зовут Тори.

Я неуклюже опускаюсь в кресло и откидываюсь, положив голову на подголовник. Свет режет глаза. Тори возится с машиной справа от меня. Я пытаюсь сосредоточиться на ней, а не на проводах в ее руках.

– Почему ястреб? – выпаливаю я, когда она прикрепляет электрод к моему лбу.

– Впервые вижу любопытного альтруиста. – Она вздергивает брови.

Я ежусь, и мои руки покрываются гусиной кожей. Мое любопытство – ошибка, предательство ценностей Альтруизма.

Тихонько напевая, Тори прижимает еще один электрод к моему лбу и поясняет:

– В некоторых частях древнего мира ястреб символизировал солнце. В свое время я решила, что, если на мне всегда будет солнце, я перестану бояться темноты.

Я пытаюсь удержаться от очередного вопроса, но тщетно.

– Вы боитесь темноты?

– Я боялась темноты, – поправляет Тори.

Она прижимает следующий электрод к своему собственному лбу, прикрепляет к нему провод и пожимает плечами.

– Теперь он напоминает мне о страхе, который я преодолела.

Она встает сзади. Я сжимаю подлокотники кресла так крепко, что костяшки моих пальцев белеют. Тори тянет на себя провода, прикрепляет их к себе, ко мне, к машине у себя за спиной. Затем передает мне пробирку с прозрачной жидкостью.

– Выпей, – говорит она.

– Что это?

Мое горло как будто распухло. Я с трудом сглатываю.

– Что случится?

– Я не могу тебе сказать. Просто доверься мне.

Я шумно выдыхаю и опрокидываю содержимое пробирки в рот. Мои глаза закрываются.

Они открываются всего лишь через мгновение, но я оказываюсь в другом месте. Я снова стою в школьной столовой, но все длинные столы пусты, и за стеклянными стенами идет снег. На столе передо мной стоят две корзины. В одной лежит кусок сыра, в другой – нож длиной с мое предплечье.

Женский голос за спиной произносит:

– Выбирай.

– Зачем? – спрашиваю я.

– Выбирай, – повторяет женщина.

Я оборачиваюсь, но за спиной никого нет. Я возвращаюсь к корзинам.

– Что мне с ними делать?

– Выбирай! – кричит она.

Когда она кричит на меня, страх исчезает, сменяясь упрямством. Я хмурюсь и скрещиваю руки на груди.

– Как знаешь, – произносит она.

Корзины исчезают. Я оборачиваюсь на скрип двери и вижу в нескольких ярдах от себя пса с острым носом. Он припадает к земле и крадется ко мне, скаля белые

зубы. Глубоко в его горле клокочет рык, и я понимаю, почему пригодился бы сыр. Или нож. Но уже слишком поздно.

Убежать? Но пес быстрее меня. Я не могу прижать его к земле. В голове пульсирует кровь. Я должна принять решение. Если перепрыгнуть через какой-нибудь стол и загородиться им... нет, я слишком маленькая, чтобы прыгать через столы, и слишком слабая, чтобы опрокинуть один из них.

Пес рычит, и я почти чувствую, как звук вибрирует в моем черепе.

В учебнике по биологии написано, что собаки чуют запах страха из-за химического вещества, которое человеческие железы выделяют при угрозе насилия. Такое же вещество выделяют звери, на которых собаки охотятся. Запах страха побуждает их нападать. Пес приближается ко мне, царапая когтями по полу.

Я не могу убежать. Не могу драться. Вместо этого я слышу зловонное дыхание пса и стараюсь не думать о том, что он только что съел. В его глазах нет белков, только черное мерцание.

Что еще я знаю о собаках? Я не должна смотреть ему в глаза. Это знак агрессии. В детстве я просила у отца щенка и теперь, стоя перед когтистыми лапами пса, не могу припомнить почему. Пес подходит ближе, не переставая рычать. Если взгляд в глаза – знак агрессии, то каков знак покорности?

Я дышу громко, но ровно. Опускаюсь на колени. Меньше всего мне хочется лежать на полу перед псом – лицом на уровне его зубов, – но это лучшее, что я могу придумать. Я вытягиваю ноги и опираюсь на локти. Пес крадется все ближе, пока не обжигает мне лицо своим жарким дыханием. Мои руки дрожат.

Он лает мне в ухо, и я сжимаю зубы, чтобы не закричать.

Что-то шершавое и влажное касается моей щеки. Пес перестает рычать и, когда я снова поднимаю на него глаза, шумно дышит. Он лижет мое лицо. Я хмурюсь и сажусь на пятки. Пес кладет лапы мне на колени и лижет мой подбородок. Я отшатываюсь, вытирая слюни с кожи, и смеюсь.

– А ты совсем не страшное чудовище, верно?

Я встаю медленно, чтобы не напугать пса, но он совсем не похож на дикого зверя, который стоял передо мной несколько секунд назад. Я протягиваю руку, осторожно, готовая отдернуть ее, если понадобится. Пес тычется мне в руку головой. Внезапно я радуюсь, что не выбрала нож.

Я моргаю, а когда открываю глаза, на другой стороне комнаты стоит девочка в белом платье. Она протягивает руки и визжит:

– Щеночек!

Она бежит к собаке, стоящей рядом со мной, и я открываю рот, чтобы предупредить ее, но слишком поздно. Пес оборачивается. Он не рычит, а лает, огрызается и щелкает пастью, и мышцы бугрятся под его шкурой, как витки проволоки. Он вот-вот прыгнет. Не размышляя, я бросаюсь на пса; наваливаюсь на него всем телом, обхватив руками толстую шею.

Я ударяюсь головой об пол. Пес исчез, как и маленькая девочка. Я осталась одна – в проверочной комнате, на этот раз пустой. Я медленно поворачиваюсь вокруг и не вижу себя ни в одном зеркале. Толкаю дверь и выхожу в коридор, но это не коридор; это автобус, и все сиденья заняты.

Я стою в проходе и держусь за поручень. Рядом со мной сидит мужчина с газетой. Его лицо заслоняет газета, но я вижу его руки. Они испещрены шрамами, как будто он обгорел, и сжимают бумагу, как будто хотят ее смять.

– Знаешь этого парня? – спрашивает он и постукивает по фотографии на первой странице газеты.

Заголовок гласит: «Жестокий убийца наконец задержан!» Я разглядываю слово «убийца». Немало воды утекло с тех пор, как я в последний раз читала это слово, но все равно его очертания наполняют меня страхом.

На фотографии под заголовком – молодой парень с простым лицом и бородой. По-моему, я его где-то видела, только не помню где. И в то же время мне кажется, что не стоит говорить мужчине об этом.

– Ну так что? – В его голосе звенит злоба. – Знаешь его?

Не стоит... нет, ни в коем случае нельзя! Мое сердце колотится, и я сжимаю поручень, чтобы руки не дрожали, чтобы не выдали меня. Если я скажу ему, что знаю парня из статьи, со мной случится что-то ужасное. Но я могу убедить его, что ничего не знаю. Я могу прочистить горло и пожать плечами... но это будет ложью.

Я прочищаю горло.

– Знаешь? – повторяет он.

Я пожимаю плечами.

– Ну?

Я содрогаюсь. Мой страх иррационален; это всего лишь тест, а не реальность.

– Не-а, – небрежно отвечаю я. – Понятия не имею, кто это.

Он встает, и я наконец вижу его лицо. На нем темные солнечные очки, и рот его искривлен злобой. Его щеки испещрены шрамами, как и руки. Он наклоняется к моему лицу. Его дыхание пахнет сигаретами. «Не реальность, – напоминаю я себе. – Не реальность».

– Ты лжешь, – говорит он. – Ты лжешь!

– Я не лгу.

– Я вижу это по твоим глазам.

Я выпрямляю спину.

– Ничего вы не видите.

– Если ты его знаешь, – тихо говорит он, – то можешь меня спасти. Можешь меня спасти!

Я щурюсь.

– Увы, – говорю я и выпячиваю челюсть, – я его не знаю.

Глава 3

Я просыпаюсь с потными ладонями и ощущением вины. Я лежу в кресле в зеркальной комнате. Откинув голову назад, я вижу за спиной Тори. Поджав губы, она снимает электроды с наших голов. Я жду каких-то слов о проверке – что все закончилось или что я неплохо справилась, хотя разве можно плохо справиться с подобной проверкой? – но она молча снимает провода с моего лба.

Я сажусь и вытираю ладони о брюки. Наверное, я сделала что-то неправильно, пусть все и происходило всего лишь у меня в голове. У Тори такое странное лицо, потому что она не знает, как сказать мне, какой я ужасный человек? Лучше бы она не тянула с ответом.

– Очень неожиданно, – говорит она. – Извини, я на секундочку.

Неожиданно?

Я прижимаю колени к груди и зарываюсь в них лицом. Жаль, мне не хочется плакать, ведь слезы могли бы принести облегчение. Как можно провалить тест, к которому не дают подготовиться?

Время течет, и я нервничаю все больше. Мне приходится вытирать ладони каждые несколько секунд, потому что на них собирается пот... а может, просто потому, что это слегка успокаивает. А вдруг мне скажут, что я не гожусь ни в одну фракцию? Мне придется жить на улицах, с бесфракционниками. Но это невозможно. Жить без фракции – значит не просто жить в нищете и убожестве, это значит быть отвергнутым обществом, лишенным самого главного в жизни: коллектива.

Мать сказала однажды, что мы не можем выжить одни, но даже если бы могли, то не захотели бы. Без фракции у нас нет цели и смысла жизни.

Я качаю головой. Нельзя об этом думать. Необходимо сохранять спокойствие.

Наконец дверь открывается, и входит Тори. Я хватаюсь за подлокотники кресла.

– Извини, что заставила волноваться, – говорит Тори.

Она стоит у моих ног, засунув руки в карманы, и выглядит бледной и напряженной.

– Беатрис, твои результаты неокончательны, – произносит она. – Как правило, каждый этап симуляции исключает одну или более фракций, но в твоем случае были вычеркнуты всего две.

Я гляжу на нее.

– Две? – повторяю я.

Горло перехватывает так, что трудно говорить.

– Если бы ты выказала рефлекторное отвращение к ножу и выбрала сыр, симуляция пошла бы по другому сценарию, который подтвердил бы твою склонность к Товариществу. Этого не случилось, а значит, Товарищество исключено. – Тори скребет в затылке. – Обычно симуляция развивается линейно и выделяет одну фракцию, исключая остальные. Принятые тобой решения не позволили отвергнуть следующий вариант, Правдолюбие, и мне пришлось изменить симуляцию и поместить тебя в автобус. Где твое упорство во лжи исключило Правдолюбие.

Она криво улыбается.

– Не переживай. Только правдолюбы говорят правду в этом случае.

Один из узлов в моей груди ослабевает. Может, я не ужасный человек.

– Я полагаю, что это не совсем так. Правду говорят правдолюбы... и альтруисты, – продолжает она. – А значит, у нас проблема.

У меня отвисает челюсть.

– С другой стороны, ты бросилась на пса, чтобы защитить от него маленькую девочку, а это альтруистическая реакция... Но когда мужчина сказал тебе, что правда спасет его, ты продолжала упорствовать во лжи. Это не альтруистическая реакция. – Она вздыхает. – Ты не убежала от пса – так поступают лихачи, но лихачи берут нож, а ты не взяла.

Она прочищает горло и продолжает:

– Твоя здравая реакция на пса означает сильную тягу к Эрудиции. Понятия не имею, как толковать твою нерешительность на первом этапе, но...

– Погодите, – перебиваю я. – Выходит, вы не представляете, к чему я склонна?

– И да и нет. Мой вывод, – поясняет она, – что ты выказала равную склонность к Альтруизму, Лихости и Эрудиции. Люди, которые получают подобный результат... – она оглядывается через плечо, как будто ожидает кого-то увидеть, – называются... дивергентами.

Последнее слово она произносит так тихо, что его почти не слышно, и снова становится напряженной и беспокойной. Она огибает кресло и наклоняется ко мне.

– Беатрис, – произносит она, – ты ни в коем случае не должна об этом рассказывать. Это очень важно.

– Мы не должны делиться результатами, – киваю я. – Я знаю.

– Нет.

Тори опускается на колени рядом с креслом и кладет руки на подлокотник. Между нашими лицами всего несколько дюймов.

– Это другое. Я не о том, что ты не должна ими делиться сейчас; я о том, что ты не должна ими делиться ни с кем, никогда, что бы ни случилось. Дивергенция крайне опасна. Ты понимаешь?

Я не понимаю, как могут неокончательные результаты проверки быть опасны, но киваю. Мне все равно не хочется ни с кем делиться результатами.

– Ладно.

Я отлепляю руки от подлокотников и встаю. Меня пошатывает.

– Советую пойти домой, – говорит Тори. – Тебе нужно хорошенько поразмыслить, а ожидание вместе с остальными может пойти во вред.

– Я должна предупредить брата.

– Я сама ему скажу.

Выходя из комнаты, я держусь за лоб и гляжу в пол. Я не в силах смотреть Тори в глаза. Я не в силах думать о завтрашней Церемонии выбора.

Теперь это мой выбор, что бы ни показал тест.

Альтруизм. Лихость. Эрудиция.

Дивергенция.

Я решаю не садиться на автобус. Если я вернусь домой рано, отец заметит это, проверяя домашний журнал в конце дня, и мне придется объяснять, что случилось. Вместо этого я иду пешком. Мне нужно перехватить Калеба, прежде чем он обмолвится о чем-нибудь при родителях, но Калев умеет хранить секреты.

Я иду посередине дороги. Автобусы стараются прижиматься к обочине, так что здесь безопаснее. Там и сям на улицах рядом с домами я вижу следы желтых

линий. Они больше не нужны, ведь у нас так мало машин. Светофоры тоже больше не нужны, но кое-где они еще висят над дорогой, угрожая свалиться в любой момент.

Реновация медленно продвигается по городу, лоскутному одеялу новых, чистых зданий и старых, крошащихся. Большинство новых зданий стоит рядом с болотом, которое в прежние времена было озером. Добровольная организация Альтруизма, в которой работает мать, отвечает за большинство этих реноваций.

Когда я смотрю на образ жизни альтруистов глазами чужака, он кажется мне прекрасным. Когда я наблюдаю за совершенным согласием нашей семьи, когда мы ходим на званые ужины, где все убирают за собой без просьб и понуканий, когда я вижу, как Калев помогает незнакомцам носить сумки с продуктами, я заново влюбляюсь в подобную жизнь. И лишь когда пытаюсь жить ею, возникают проблемы. Я чувствую фальшь.

Но выбрать другую фракцию означает отречься от своей семьи. Навсегда.

Сразу за сектором Альтруизма начинается полоса остовов зданий и разбитых тротуаров, по которой я сейчас и иду. Местами дорога совершенно развалилась, обнажив канализационные системы и пустые тоннели, которые надо старательно обходить; местами так сильно воняет нечистотами и мусором, что приходится зажимать нос.

Здесь живут бесфракционники. Они не сумели завершить инициацию и вступить в фракцию, которую выбрали, и потому живут в нищете, выполняя работу, на которую никто другой не согласен. Они работают дворниками, строителями и сборщиками мусора, ткнут материю, водят поезда и автобусы. В обмен на свой труд они получают пищу и одежду, но, как говорит моя мать, ни того ни другого им не хватает.

Я вижу бесфракционника на углу впереди. На нем поношенный коричневый костюм, и кожа складками свисает с его челюсти. Он смотрит на меня, а я смотрю на него, не в силах отвести глаз.

– Извини, – говорит он дребезжащим голосом. – Нет ли у тебя чего-нибудь съедобного?

У меня комок встает в горле. Строгий голос в голове требует: «Опусти голову и иди своей дорогой».

Нет. Я качаю головой. Я не должна бояться этого мужчины. Ему нужна помощь, и я должна ему помочь.

– Мм... да.

Я лезу в сумку. Отец велит всегда носить еду в сумке, как раз на такой случай. Я протягиваю мужчине пакетик сушеных яблочных долек.

Он тянется к ним, но его пальцы смыкаются не на пакетике, а у меня на запястье. Он улыбается мне. У него трещина между передними зубами.

– Какие красивые глазки, – произносит он. – Жаль, остальное подкачало.

Мое сердце колотится. Я отдергиваю руку, но его хватка становится крепче. Я слышу что-то едкое и неприятное в его дыхании.

– Не слишком ли ты мала, чтобы разгуливать в одиночестве, дорогуша? – спрашивает он.

Я перестаю тянуть руку и выпрямляю спину. Я знаю, что выгляжу маленькой; ни к чему об этом напоминать.

– Я старше, чем кажусь, – возражаю я. – Мне шестнадцать.

Он широко растягивает губы, обнажая серый коренной зуб с черной дырой. Я не могу понять, улыбается он или гримасничает.

– Выходит, сегодня у тебя особенный день? День перед выбором?

– Отпустите, – требую я.

В ушах звенит. Мой голос звучный и строгий... совсем не такой, как я ожидала. Он словно не принадлежит мне.

Я готова. Я знаю, что делать. Я представляю, как бью его локтем в живот. Вижу, как пакетик яблок летит в сторону. Слышу, как бегу прочь. Я готова действовать.

Но затем он отпускает мою руку, берет яблоки и говорит:

– Не промахнись с выбором, крошка.

Глава 4

Я подхожу к своей улице на пять минут раньше, чем обычно, если верить наручным часам – единственному украшению, дозволенному Альтруизмом, и то лишь потому, что они практичны. У них серый ремешок и стеклянный циферблат. Если наклонить его под правильным углом, то можно кое-как рассмотреть свое отражение поверх стрелок.

Дома на моей улице все одного размера и формы. Они построены из серого бетона, с редкими окнами – экономичные кубики без лишней чепухи. Газоны заросли росичкой, а почтовые ящики сделаны из тусклого металла. Кому-то подобный пейзаж покажется мрачным, но меня простота успокаивает.

Причина простоты – не презрение к уникальности, как иногда толкуют другие фракции. Все – наши дома, одежда, прически – должно помогать нам забывать о себе и защищать нас от тщеславия, жадности и зависти, которые всего лишь варианты эгоизма. Если мы мало имеем и мало хотим, если мы все одинаковы, мы никому не завидуем.

Я пытаюсь полюбить это.

Я сажусь на переднем крыльце и жду, когда придет Кaleb. Долго ждать не приходится. Через минуту я вижу на улице силуэты в серых балахонах. Слышу смех. В школе мы стараемся не привлекать к себе внимания, но как только оказываемся дома, начинаются игры и шутки. Впрочем, моя природная склонность к сарказму все равно не поощряется. Сарказм – всегда насмешка над другими. Возможно, это и к лучшему, что Альтруизм хочет, чтобы я его не

проявляла. Возможно, мне не следует покидать свою семью. Возможно, если я постараюсь влиться в ряды альтруистов, все получится.

– Беатрис! – окликает Кaleb. – Что случилось? У тебя все хорошо?

– Вполне.

Рядом с ним Сьюзен и ее брат Роберт, и Сьюзен бросает на меня странный взгляд, как будто я уже не тот человек, которого она знала сегодня утром. Я пожимаю плечами.

– Когда проверка закончилась, мне стало плохо. Наверное, от той жидкости, которую нам дали выпить. Но сейчас уже лучше.

Я пытаюсь убедительно улыбнуться. Похоже, я обманула Сьюзен и Роберта, которые больше не кажутся обеспокоенными моим умственным состоянием, но Кaleb сужает глаза, как всегда, когда подозревает кого-то в двуличии.

– Вы ехали сегодня на автобусе?

Мне все равно, как Сьюзен и Роберт вернулись из школы, просто нужно сменить тему.

– Отец работает допоздна, – поясняет Сьюзен, – и сказал, что нам нужно время подумать перед завтрашней церемонией.

Мое сердце колотится при упоминании церемонии.

– Заходите попозже, если хотите, – вежливо предлагает Кaleb.

– Спасибо. – Сьюзен улыбается Калебу.

Роберт поднимает бровь. Мы с ним переглядываемся весь последний год, пока Сьюзен и Кaleb робко флиртуют в свойственной одним лишь альтруистам манере. Кaleb смотрит вслед Сьюзен. Мне приходится схватить его за руку, чтобы он очнулся. Я веду его в дом и закрываю за нами дверь.

Он поворачивается ко мне. Его темные прямые брови сдвигаются так, что между ними появляется складка. Когда он хмурится, то больше похож на мать, чем на отца. На мгновение перед моим мысленным взором мелькает его будущая жизнь, такая же, как у отца: он останется в Альтруизме, выучится ремеслу, женится на Сьюзен и заведет детей. Это будет чудесно.

Возможно, я этого не увижу.

– Теперь ты скажешь мне правду? – тихо спрашивает он.

– Правда в том, – отвечаю я, – что я не должна ничего обсуждать. А ты не должен спрашивать.

– Ты столько раз пренебрегала правилами, а сейчас не можешь? Даже в таком важном деле?

Его брови сходятся, он покусывает уголок губ. Хотя в его словах упрек, он словно прощупывает почву... как будто ему действительно нужен мой ответ.

Я щурюсь.

– А ты? Что случилось во время твоей проверки, Кaleb?

Наши взгляды встречаются. Я слышу гудок поезда, совсем тихий, похожий на свист ветра в переулке. Но я сразу узнаю его. Словно лихачи зовут меня.

– Просто... не говори родителям, что случилось, ладно? – прошу я.

Он несколько секунд не сводит с меня глаз и кивает.

Я хочу подняться наверх и лечь. Проверка, прогулка и стычка с бесфракционником измотали меня. Но брат приготовил завтрак сегодня утром, мать приготовила обеды, а отец приготовил ужин вчера вечером, так что моя очередь готовить. Я делаю глубокий вдох и иду на кухню.

Через минуту ко мне присоединяется Кaleb. Я стискиваю зубы. Он всегда помогает. Что меня больше всего в нем раздражает, так это его природная

доброта, врожденная самоотверженность.

Мы с Калемом работаем молча. Я готовлю горох на плите. Он размораживает четыре куска курицы. Большая часть нашей еды замороженная или консервированная, потому что фермы в наши дни далеко. Мать однажды сказала, что давным-давно некоторые люди не покупали генетически измененные продукты, потому что считали их ненатуральными. У нас не осталось выбора.

Когда родители возвращаются домой, ужин готов и стол накрыт. Отец бросает сумку у порога и целует меня в макушку. Другие люди считают его категоричным – быть может, слишком категоричным, – но он также и любящий. Я стараюсь видеть в нем только хорошее; правда стараюсь.

– Как проверка? – спрашивает он.

Я накладываю горох в миску.

– Хорошо, – отвечаю я.

Я не гожусь в правдолюбь. Ложь дается мне слишком легко.

– Говорят, с одним из тестов возникли проблемы, – замечает мать.

Как и отец, она работает на правительство, только заведует проектами городского усовершенствования. Она набирала добровольцев для проверки склонностей. Большую часть времени, однако, она организует рабочих, чтобы обеспечивать бесфракционников едой, работой и кровом.

– Неужели? – переспрашивает отец.

Проблемы с проверкой склонностей редки.

– Я толком не знаю, но моя подруга Эрин рассказала, что один из тестов пошел наперекосяк, так что результаты пришлось сообщить устно.

Мать раскладывает салфетки рядом с тарелками.

– Очевидно, ученику стало плохо, и его отправили домой. – Она пожимает плечами. – Надеюсь, с ним все хорошо. Вы двое что-нибудь слышали об этом?

– Нет, – отвечает Калев и улыбается матери.

Мой брат тоже не годится в правдолюбы.

Мы сидим за столом. Мы всегда передаем еду слева направо, и все ждут, пока остальные получают тарелки. Отец протягивает руки матери и брату, а они протягивают руки ему и мне, и отец благодарит Господа за пищу, работу, друзей и семью. Не каждая семья альтруистов религиозна, но отец говорит, что мы должны стараться не замечать подобных отличий, потому что они только разделяют нас. Не уверена, как это понимать.

– Ну? – говорит мать отцу. – Расскажи мне.

Она берет ладонь отца и водит большим пальцем по костяшкам его пальцев. Я смотрю на их соединенные руки. Родители любят друг друга, но редко выражают приязнь подобным образом у нас на глазах. Они научили нас, что физический контакт очень силен, поэтому я остерегаюсь его с детства.

– Расскажи мне, что тебя беспокоит, – добавляет она.

Я смотрю на тарелку. Мамина пронизательность порой меня удивляет, но сейчас мне становится стыдно. Почему я так сосредоточилась на себе и не заметила его хмурого вида и сгорбленной позы?

– Трудный день на работе, – отвечает он. – Точнее, трудный день у Маркуса, я не должен говорить о себе.

Маркус – коллега отца; они оба политические лидеры. Городом управляет совет из пятидесяти человек, все до единого – представители Альтруизма, поскольку наша фракция считается неподкупной из-за своей приверженности бескорыстию. Члены совета выдвигаются из наших рядов за безупречный характер, моральную стойкость и лидерские качества. Представители остальных фракций могут выступать на заседаниях по конкретным вопросам, но в конечном итоге решение за советом. И хотя технически совет выносит решения совместно,

Маркус особенно влиятелен.

Так заведено с самого начала Великого Мира, когда были образованы фракции. Я думаю, система держится на нашем страхе того, что может произойти в случае ее краха, – войны.

– Это из-за того отчета, изданного Жанин Мэтьюз? – спрашивает мать.

Жанин Мэтьюз – единственный представитель Эрудиции. Ее выбрали за высокий коэффициент интеллекта. Отец часто жалуется на нее.

Я поднимаю глаза.

– Отчета?

Калевб бросает на меня предостерегающий взгляд. Мы не должны разговаривать во время ужина, если родители не зададут нам прямой вопрос, а они обычно не задают. Наши наостренные уши – лучший подарок, говорит отец. Свои наостренные уши они подарят нам после ужина, в общей комнате.

– Да, – подтверждает отец, сузив глаза. – Эта заносчивая, самодовольная...

Он умолкает и откашливается.

– Прошу прощения. Но она издала отчет, в котором критикует характер Маркуса.

Я выгибаю брови.

– Что в нем написано? – спрашиваю я.

– Беатрис, – тихо произносит Калевб.

Я опускаю голову и верчу вилку в руках, пока жар не покидает мои щеки. Я не люблю, когда мне выговаривают. Особенно брат.

– В нем написано, – произносит отец, – что жестокость и бессердечие Маркуса по отношению к сыну заставили того выбрать Лихость вместо Альтруизма.

Рожденные в Альтруизме редко решаются покинуть его. Если это все же случается, то запоминается надолго. Два года назад сын Маркуса, Тобиас, оставил нас ради Лихости, и Маркус был опустошен. Тобиас был его единственным ребенком – и единственным членом семьи, поскольку жена Маркуса умерла вторыми родами. Младенец умер несколько минут спустя.

Я ни разу не встречала Тобиаса. Он редко посещал общинные мероприятия и никогда не ужинал у нас со своим отцом. Мой отец часто замечал, что это странно, но какая теперь разница?

– Жестокий? Маркус? – Мать качает головой. – Несчастный! Как будто ему нужно напоминать об утрате!

– Ты хотела сказать, о предательстве сына? – холодно поправляет отец. – Ничего удивительного. Эрудиты атакуют нас своими отчетами уже несколько месяцев. И это не конец. Уверен, продолжение следует.

Я не должна говорить, но не могу удержаться.

– Почему они это делают? – выпаливаю я.

– Почему бы тебе не воспользоваться возможностью послушать отца, Беатрис? – кротко спрашивает мать.

Ее слова звучат как предложение, а не команда. Я смотрю через стол на Калеба, на лице которого написано неодобрение.

Я опускаю взгляд в тарелку. Сомневаюсь, что смогу и дальше жить этой упорядоченной жизнью. Я недостаточно хороша.

– Ты знаешь почему, – отвечает отец. – Потому что у нас есть то, что им нужно. Тот, кто ценит знание превыше всего, неминуемо жаждет власти, а это заводит в темные и пустые края. Мы должны быть благодарны за то, что мы иные.

Я киваю. Я знаю, что не выбрала бы Эрудицию, хотя по результатам проверки могла бы. Я дочь своего отца.

Родители прибираются после ужина. Они даже отказываются от помощи Калеба, потому что сегодня вечером мы должны побыть в одиночестве и обдумать свои результаты, а не сидеть в общей комнате.

Семья могла бы помочь сделать выбор, если бы я могла рассказать о своих результатах. Но я не могу. Предостерегающий шепот Тори звучит у меня в голове всякий раз, как решимость держать рот на замке ослабевает.

Мы с Калемом поднимаемся наверх, и, перед тем как разойтись по спальням, он кладет руку мне на плечо.

– Беатрис. – Он строго смотрит мне в глаза. – Мы должны думать о своей семье. – Его голос непривычно резок. – Но мы должны подумать и о себе.

Мгновение я смотрю на него. Я никогда не видела, чтобы он думал о себе, никогда не слышала, чтобы он настаивал на чем-то, кроме бескорыстия.

Я так поражена его замечанием, что говорю лишь то, что положено.

– Тесты не должны повлиять на наш выбор.

Он чуть улыбается.

– Не должны?

Он сжимает мое плечо и уходит в спальню. Я заглядываю в его комнату и вижу разобранную постель и кипу книг на столе. Он закрывает дверь. Жаль, я не могу сказать ему, что мы переживаем одно и то же. Жаль, я не могу поговорить с ним, как мне хочется, а не так, как положено. Но признаться ему в том, что мне нужна помощь... страшно даже подумать, и я отворачиваюсь.

Я захожу в свою комнату, закрываю за спиной дверь и понимаю, что решение может быть простым. Нужна великая самоотверженность, чтобы выбрать Альтруизм, и великая отвага, чтобы выбрать Лихость, и, возможно, сделанный

выбор сам подтвердит мою правоту. Завтра эти два качества сразятся во мне, и только одно сумеет победить.

Глава 5

В автобусе, на котором мы едем на Церемонию выбора, полно людей в серых рубашках и брюках. Бледный кружок солнца прожигает облака, как будто кончик сигареты. Я ни за что не стану курить – сигареты тесно связаны с тщеславием, – но когда мы подъезжаем, толпа правдолюбів курит перед зданием.

Мне приходится запрокинуть голову, чтобы разглядеть вершину «Втулки», и даже тогда часть ее теряется в облаках. Это самое высокое здание в городе. Я вижу огни на двух зубцах его крыши из окна своей спальни.

Я выхожу из автобуса следом за родителями. Кaleb выглядит спокойным, как могла бы выглядеть и я, если бы знала, что мне делать. Вместо этого я испытываю смутное чувство, будто мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди, и хватаю брата за руку, чтобы не упасть, поднимаясь по главной лестнице.

Лифт переполнен, и отец уступает наше место группе товарищей. Вместо лифта мы поднимаемся по лестнице, беспрекословно повинаясь отцу. Мы показываем пример членам своей фракции, и вскоре сумрачную бетонную лестницу затопляют люди в серой одежде. Я подстраиваюсь под их шаг. Размеренный топот и однородность толпы заставляют поверить, что я могу это выбрать. Влиться в общественный разум Альтруизма, неизменно направленный вовне.

Но потом у меня начинают болеть ноги, воздуха не хватает, и я снова отвлекаюсь на себя. Нужно подняться по двадцати лестничным пролетам, чтобы попасть на Церемонию выбора.

Отец придерживает дверь на двадцатом этаже и стоит как часовой, пока альтруисты проходят мимо. Я бы подождала его, но толпа толкает меня вперед, прочь из лестничного колодца, в зал, где я выберу свое будущее.

Зал устроен концентрическими кругами. Снаружи стоят шестнадцатилетки всех фракций. Нас пока не называют членами фракции; сегодняшние решения сделают нас неофитами, и мы станем членами фракции, если завершим инициацию.

Мы выстраиваемся в алфавитном порядке в соответствии с фамилиями, которые можем отвергнуть сегодня. Я стою между Калемом и Даниэль Пёлер, товаркой с розовыми щеками, в желтом платье.

В следующем кругу стоят ряды стульев для наших семей. Они разделены на пять секций, по числу фракций. Не все члены фракций пришли на Церемонию выбора, но достаточно, чтобы толпа казалась огромной.

Ответственность за проведение церемонии переходит от фракции к фракции каждый год, и сегодня очередь Альтруизма. Маркус прочтет вступительное слово и назовет имена в обратном алфавитном порядке. Калев сделает выбор передо мной.

В последнем кругу – пять металлических чаш, таких больших, что я поместилась бы в них целиком, если бы свернулась клубочком. В чашах содержатся символы фракций: серые камни Альтруизма, вода Эрудиции, земля Товарищества, горящие угли Лихости и стекло Правдолюбия.

Когда Маркус назовет мое имя, я выйду в центр трех кругов. Я буду молчать. Он протянет мне нож. Я порежу себе руку и брызну кровью в чашу выбранной фракции.

Моя кровь стынет на камнях. Моя кровь шипит на углях.

Прежде чем сесть, родители встают перед нами с Калемом. Отец целует меня в лоб и хлопает Калеба по плечу, улыбаясь.

– Скоро увидимся, – говорит он без тени сомнения.

Мать обнимает меня, и я едва не теряю последние остатки решимости. Я стискиваю зубы и смотрю в потолок, где висят круглые лампы, наполняющие комнату голубоватым светом. Мать держит меня слишком долго, даже после

того, как я опускаю руки. Прежде чем отстраниться, она поворачивает голову и шепчет мне на ухо:

– Я люблю тебя. Что бы ни случилось.

Я хмурюсь ей в спину, когда она отходит. Она знает, что я могу сделать. Не может не знать, иначе не сказала бы этого.

Калев хватает меня за руку и сжимает так сильно, что становится больно, но я не вырываюсь. В последний раз мы держались за руки на похоронах дяди, когда отец плакал. Нам нужна сила друг друга, совсем как тогда.

Зал постепенно успокаивается. Мне следовало бы наблюдать за лихачами; следовало бы впитывать как можно больше информации, но я могу лишь смотреть на светильники. Я пытаюсь раствориться в голубоватом сиянии.

Маркус стоит на возвышении между Эрудицией и Лихостью и откашливается в микрофон.

– Добро пожаловать, – произносит он. – Добро пожаловать на Церемонию выбора. Сегодня день, когда мы чтим демократическую философию своих предков, которая говорит нам, что каждый человек имеет право выбрать свой путь в этом мире.

Или, приходит мне в голову, один из пяти предначертанных путей. Я стискиваю пальцы Калеба так же сильно, как он стискивает мои.

– Нашим детям исполнилось шестнадцать. Они стоят на пороге взрослой жизни, и настала пора решить, какими людьми они станут. – Голос Маркуса торжественен и придает равный вес каждому слову. – Десятилетия назад наши предки осознали, что не политическая идеология, религиозные верования, раса или национализм виновны в непрекращающихся войнах. Напротив, они решили, что это вина человеческой личности – склонности человечества ко злу, в какой бы форме это ни выражалось. Они разделились на фракции, стремившиеся искоренить те качества, которые считали виновными в мировом беспорядке.

Я бросаю взгляд на чаши в центре комнаты. Во что я верю? Я не знаю, не знаю, не знаю.

– Те, кто винил агрессию, образовали Товарищество.

Товарищи обмениваются улыбками. Они удобно одеты в красное или желтое. Всякий раз, как я их вижу, они кажутся добрыми, любящими, свободными. Но мне никогда не хотелось присоединиться к ним.

– Те, кто винил невежество, вступили в Эрудицию.

Исключить Эрудицию – самая легкая часть моего выбора.

– Те, кто винил двуличие, создали Правдолюбие.

Я никогда не тяготела к Правдолюбию.

– Те, кто винил эгоизм, построили Альтруизм.

Я виню эгоизм; определенно, виню.

– А те, кто винил трусость, породили Лихость.

Но я недостаточно самоотверженна. Шестнадцать лет старалась, и до сих пор недостаточно.

Мои ноги немеют, как будто из них выкачали всю жизнь. Как же я пойду, когда назовут мое имя?

– Трудясь бок о бок, эти пять фракций живут в мире уже много лет, и каждая вносит вклад в свой сектор общества. Альтруизм удовлетворяет потребность в бескорыстных лидерах в правительстве; Правдолюбие обеспечивает надежными и честными лидерами в юриспруденции; Эрудиция поставляет образованных учителей и исследователей; Товарищество дает понимающих воспитателей и сиделок; Лихость гарантирует защиту от внутренних и внешних угроз. Но влияние каждой фракции не ограничено этими областями. Мы даем друг другу намного больше, чем можно описать словами. В своих фракциях мы находим

смысл, находим цель, находим жизнь.

Я думаю о лозунге, который прочла в учебнике истории фракций: «Фракция превыше крови». Мы принадлежим своим фракциям больше, чем семьям. Правильно ли это?

– Без них мы не выживем, – добавляет Маркус.

Он умолкает, и повисает тишина, непривычно тяжелая. Она прогибается под весом нашего худшего страха, превосходящего даже страх смерти: стать бесфракционником.

Маркус продолжает:

– И потому сегодняшний день – это праздник; день, когда в наши ряды вливаются новые члены, которые будут трудиться вместе с нами ради лучшего общества и лучшего мира.

Взрыв аплодисментов. Они кажутся приглушенными. Я стараюсь стоять совершенно неподвижно, потому что с онемелыми коленями и застывшим телом меня не трясет. Маркус читает первые имена, но я не могу отличить один слог от другого. Как я узнаю, когда он назовет мое имя?

Шестнадцатилетки один за другим покидают круг и выходят на середину зала. Первая девочка выбирает Товарищество, фракцию, в которой она родилась. Я слежу, как капли ее крови падают на землю, и она одна встает за стульями товарищей.

Комната находится в непрерывном движении, очередное имя и очередной подросток, очередной нож и очередной выбор. Я узнаю большинство присутствующих, но сомневаюсь, что они знают меня.

– Джеймс Такер, – произносит Маркус.

Джеймс Такер из Лихости – первый, кто спотыкается на пути к чашам. Он взмахивает руками, и ему удастся сохранить равновесие. Его лицо становится красным, и он быстро выходит на середину зала. Стоя в центре, он переводит

взгляд с чаши Лихости на чашу Правдолюбия – оранжевые языки пламени взлетают все выше, стекло отражает голубоватый свет.

Маркус протягивает ему нож. Джеймс глубоко вдыхает – я вижу, как вздымается его грудь, – и принимает нож на выдохе. Затем он чиркает ножом по ладони и протягивает руку в сторону. Его кровь капает на стекло, и он первый из нас, кто сменил фракцию. Первый переход между фракциями. В секторе Лихости поднимается ропот, и я смотрю в пол.

Впредь его будут считать предателем. Семья лихачей сможет навестить его в новой фракции через полторы недели, в День посещений, но не станет этого делать, потому что он ее отверг. Его будет не хватать в коридорах их дома, и он оставит после себя пустоту, которую невозможно заполнить. Но пройдет время, и рана затянется, как при удалении органа, когда его место занимают телесные жидкости. Люди не в состоянии долго выносить пустоту.

– Калев Прайор, – вызывает Маркус.

Калев в последний раз сжимает мою руку и идет прочь, бросив на меня долгий взгляд через плечо. Я слежу, как его ноги движутся к середине зала и как его руки уверенно принимают нож у Маркуса и ловко полосуют одна другую. Кровь копится в его ладони, и он прикусывает губу.

Он выдыхает. Вдыхает. Вытягивает руку над чашей Эрудиции, и его кровь капает в воду, окрашивая ее в более глубокий красный цвет.

Я слышу ропот, перерастающий в возмущенные крики. Мысли путаются. Мой брат, мой самоотверженный брат, перешел в другую фракцию? Мой брат, прирожденный альтруист, – эрудит?

Я закрываю глаза и вижу кипу книг на столе Калеба и его дрожащие руки, елозящие по ногам после проверки склонностей. Почему я не поняла, что, когда вчера он советовал мне подумать о себе, он также советовал и себе самому?

Я разглядываю толпу эрудитов – они самодовольно улыбаются и подталкивают друг друга. Альтруисты, обычно столь безмятежные, переговариваются напряженным шепотом и поглядывают через комнату на фракцию, ставшую нашим врагом.

– Прошу прощения, – говорит Маркус.

Толпа его не слышит.

– Тихо, пожалуйста! – кричит он.

Все стихает. И только что-то звенит.

Я слышу свое имя, и судорога выносит меня вперед. На полпути к чашам я уверена, что выберу Альтруизм. Сомнений нет. Я вижу, как становлюсь взрослой женщиной в сером балахоне, выхожу за брата Сьюзен, Роберта, работаю добровольцем по выходным. Мирная рутина, тихие ночи перед камином, уверенность, что я буду в безопасности и даже если и недостаточно хороша, то хотя бы лучше, чем сейчас.

Я осознаю, что это звенит у меня в ушах.

Я смотрю на Калеба за спинами эрудитов. Он глядит на меня и чуть кивает, как будто знает, о чем я думаю, и соглашается с этим. Я спотыкаюсь. Если Калев не был создан для Альтруизма, выходит, я и подавно? Но что мне делать теперь, когда он нас покинул и я осталась одна? Он лишил меня выбора.

Я стискиваю зубы. Я буду ребенком, который остался; я обязана так поступить ради своих родителей. Обязана.

Маркус протягивает мне нож. Я смотрю ему в глаза – темно-синие, странного цвета – и принимаю нож. Маркус кивает, и я поворачиваюсь к чашам. Огонь Лихости и камни Альтруизма – слева от меня, одна чаша перед плечом, другая за ним. Я держу нож в правой руке и касаюсь лезвием ладони. Стиснув зубы, я веду лезвие вниз. Больно, но я почти не замечаю этого. Я прижимаю обе руки к груди и, содрогаясь, выдыхаю.

Я открываю глаза и вытягиваю руку. Кровь капает на ковер между двумя чашами. Затем, не сумев сдержать вздох, я перевожу руку вперед, и моя кровь шипит на углях.

Я эгоистичная. Я смелая.

Глава 6

Я опускаю глаза и встаю за рожденными в Лихости неофитами, которые решили вернуться в собственную фракцию. Все они выше меня, так что, даже запрокинув голову, я вижу лишь обтянутые черным плечи. Когда последняя девушка делает свой выбор – Товарищество, – наступает пора уходить. Лихачи покидают зал первыми. Я иду мимо мужчин и женщин в серой одежде, своей бывшей фракции, и не свожу глаз с чужого затылка.

Но я должна увидеть родителей еще раз. Я оборачиваюсь через плечо в последний момент перед тем, как пройти мимо них, и немедленно жалею об этом. Взгляд отца обвинительно впивается в меня. Сначала, когда у меня жжет глаза, мне кажется, что он нашел способ поджечь меня, наказать за то, что я сделала... но нет, просто я готова расплакаться.

Рядом с ним улыбается мать.

Сзади напирают, гонят прочь от семьи, которая выйдет из зала последней. Они даже могут остаться, чтобы составить стулья и очистить чаши. Я верчу головой, чтобы отыскать Калеба в толпе эрудитов за моей спиной. Он стоит среди остальных неофитов, пожимая руку другому переходнику, бывшему правдолюбу. Его беспечная улыбка – акт предательства. У меня сводит живот, и я отворачиваюсь. Если для него это так легко, возможно, это должно быть легко и для меня.

Я бросаю взгляд на парня слева, который был эрудитом, а теперь бледен и тревожен не меньше меня. Я все время потратила на размышления, какую фракцию выбрать, и ни разу не задумалась, что случится, если я выберу Лихость. Что ждет меня в штаб-квартире Лихости?

Толпа лихачей ведет нас к лестнице вместо лифтов. Я думала, только альтруисты пользуются лестницами.

Затем все пускаются бегом. Вокруг раздаются уханье, возгласы и смех, и десятки ног топают в нестройном ритме. Для лихачей хождение по лестнице –

не акт бескорыстия, это дикий всплеск.

– Что за чертовщина тут творится? – кричит парень рядом со мной.

Я лишь качаю головой и продолжаю бежать. Я задыхаюсь, когда мы достигаем первого этажа и лихачи вываливаются на улицу. Воздух снаружи морозный и свежий, а небо оранжевое от закатного солнца. Оно отражается в черном стекле «Втулки».

Лихачи рассыпаются по улице, преграждая дорогу автобусу, и я прибавляю ходу, чтобы догнать хвост толпы. Мое замешательство рассеивается на бегу. Я давным-давно не бегала. Альтруизм не одобряет ничего, что делается исключительно для собственного удовольствия, и вот результат: мои легкие горят, мышцы болят; свирепое удовольствие бега во весь опор. Я следую за лихачами по улице, поворачиваю за угол и слышу знакомый звук: гудок паровоза.

– Только не это, – бормочет эрудит. – Мы должны запрыгнуть на эту штуковину?

– Да. – Я задыхаюсь.

Хорошо, что я так часто наблюдала за прибытием лихачей в школу. Толпа вытягивается в длинную очередь. Поезд скользит к нам по стальным рельсам, его фонарь мигает, гудок ревет. Двери всех вагонов открыты в ожидании лихачей, и они грузятся группа за группой, пока не остаются одни неофиты. Неофиты, рожденные в Лихости, давно привыкли это делать, так что через мгновение остаются только переходники.

Я шагаю вперед с другими ребятами и пускаюсь трусцой. Мы пару секунд бежим рядом с вагоном и затем бросаемся вбок. Я не такая высокая и сильная, как некоторые, и потому не могу подтянуться. Я цепляюсь за ручку рядом с дверью, ударяясь плечом о вагон. Руки дрожат, и наконец правдолюбка хватается меня и затаскивает внутрь. Задышавшись, я благодарю ее.

Я слышу крик и оборачиваюсь. Коротышка-эрудит с рыжими волосами вовсю работает локтями, пытаясь догнать поезд. Эрудитка у двери протягивает парню руку, но он слишком отстал. Когда мы уезжаем, он падает на колени рядом с рельсами и обхватывает голову руками.

Мне становится не по себе. Он только что провалил инициацию Лихости. Теперь он бесфракционер. Это может случиться в любой момент.

– Все в порядке? – живо спрашивает правдолюбка, которая мне помогла. Она высокая, с темно-коричневой кожей и короткими волосами. Хорошенькая.

Я киваю.

– Меня зовут Кристина. – Она протягивает руку.

Рук я тоже давным-давно не пожимала. Альтруисты приветствуют друг друга кивком, знаком уважения. Я неуверенно беру ее ладонь и дважды встряхиваю, надеясь, что жму не слишком сильно или слабо.

– Беатрис, – представляюсь я.

– Ты знаешь, куда мы едем?

Ей приходится перекрикивать ветер, который задувает через открытые двери все сильнее с каждой секундой. Поезд набирает скорость. Я сажусь. Ближе к земле проще сохранять равновесие. Девушка выгибает бровь.

– Быстрый поезд значит ветер, – поясняю я. – Ветер значит падение. Садись.

Кристина садится рядом и подается назад, чтобы прислониться к стене.

– Наверное, мы едем в штаб-квартиру Лихости, – говорю я, – но я не знаю, где это.

– А разве кто-нибудь знает? – Она качает головой, усмехаясь. – Можно подумать, они выскакивают из дыры в земле.

Порыв ветра проносится по вагону, и остальные переходники валятся друг на друга, сбитые с ног. Я наблюдаю, как Кристина смеется, хотя ничего не слышу, и растягиваю губы в улыбке.

За моим левым плечом оранжевый свет заходящего солнца отражается в стеклянных стенах, и я смутно вижу ряды серых зданий, служивших мне домом.

Сегодня очередь Калеба готовить ужин. Кто займет его место – отец или мать? И что они найдут в его комнате, затеяв уборку? Я воображаю книги, запихнутые между комодом и стеной, книги под матрасом. Жажда знаний заполнила все тайники в его комнате. Он всегда знал, что выберет Эрудицию? А если знал, как я могла не заметить?

Какой же он хороший актер! При этой мысли меня начинает подташнивать. Пусть я и оставила родителей, но, по крайней мере, я не слишком искусно притворялась. И все знали, что я недостаточно самоотверженна.

Я закрываю глаза и вижу, как отец и мать сидят за обеденным столом в тишине. Последние остатки бескорыстия заставляют мое горло сжаться при мысли о родителях; а может, это своекорыстие, ведь я знаю, что никогда больше не буду их дочерью?

– Они спрыгивают!

Я поднимаю голову. Шея болит. Я сижу, скрючившись у стены, уже по меньшей мере полчаса, прислушиваясь к реву ветра и глядя, как размазанный город проносится мимо. Я подаюсь вперед. В последние несколько минут поезд замедлил ход, и я вижу, что крикнувший парень прав: лихачи из передних вагонов выпрыгивают из поезда на крышу. Рельсы протянуты на высоте семи этажей.

От мысли, что придется выпрыгнуть из движущегося поезда на крышу, зная, что между краем крыши и рельсами есть щель, меня едва не выворачивает. Я пробираюсь вперед и, пошатываясь, иду на противоположную сторону вагона, где остальные переходники выстраиваются в очередь.

– Нам тоже придется спрыгнуть, – говорит правдолюбка. У нее большой нос и кривые зубы.

– Замечательно, – отвечает правдолюб, – чего уж разумнее, Молли. Спрыгнуть с поезда на крышу.

– На это мы и подписались, Питер, – указывает девушка.

– Ну и пусть, а я не буду, – произносит товарищ за спиной.

У него оливковая кожа, на нем коричневая рубашка – он единственный переходник из Товарищества. Его щеки блестят от слез.

– Ты должен, – говорит Кристина, – или провалишь инициацию. Ну же, все будет хорошо.

– Нет, не будет! Я лучше буду бесфракционером, чем мертвецом!

Товарищ качает головой. В его голосе паника. Он продолжает трясти головой и смотреть на крышу, которая приближается с каждой секундой.

Я с ним не согласна. Я лучше буду мертвой, чем опустошенной, как бесфракционники.

– Ты не можешь его заставить, – говорю я, глядя на Кристину.

Ее карие глаза широко распахнуты, а губы сжаты так сильно, что изменили цвет. Она протягивает мне руку.

– Возьми, – произносит она.

Я поднимаю бровь, собираясь сказать, что мне не нужна помощь, но она добавляет:

– Я просто... не смогу, если меня кто-нибудь не потащит.

Я беру ее за руку, и мы встаем на краю вагона. Когда он пролетает мимо крыши, я считаю:

– Раз... два... три!

На «три» мы выпрыгиваем из вагона. Мгновение невесомости, и мои ступни врезаются в твердую землю, а голени пронзает боль. Из-за жесткого приземления я растягиваюсь на крыше, прижатая щекой к гравию. Я выпускаю руку Кристины. Она смеется.

– Это было забавно, – говорит она.

Кристина легко вольется в ряды лихачей – искателей острых ощущений. Я смахиваю камешки со щеки. Все неофиты, кроме товарища, оказались на крыше, с тем или иным успехом. Правдолюбка с кривыми зубами, Молли, морщится и держится за лодыжку, а Питер, правдолюб с блестящими волосами, гордо улыбается – должно быть, приземлился на ноги.

Затем я слышу вопль и поворачиваю голову в поисках источника звука. Лихачка стоит на краю крыши, смотрит вниз и ревет. Лихач обнимает ее сзади, чтобы не упала.

– Рита, – повторяет он. – Рита, успокойся. Рита...

Я встаю и выглядываю за край. На мостовой под нами лежит тело; девушка с руками и ногами, изогнутыми под неестественными углами; ее волосы веером раскинулись вокруг головы. У меня сосет под ложечкой, и я перевожу взгляд на рельсы. Не все справились. И даже лихачи не в безопасности.

Рита падает на колени, всхлипывая. Я отворачиваюсь. Чем больше я буду смотреть на нее, тем вероятнее расплачусь сама, а я не могу плакать перед этими людьми.

Я говорю себе как можно строже, что здесь так заведено. Мы совершаем опасные поступки, и люди умирают. Люди умирают, и мы совершаем следующий опасный поступок. Чем скорее я усвою урок, тем больше у меня шансов пережить инициацию.

Я больше не уверена, что переживу инициацию.

Я говорю себе, что досчитаю до трех, а когда закончу, продолжу свой путь. «Раз». Я представляю тело девушки на мостовой и содрогаюсь. «Два». Я слышу всхлипы Риты и неразборчивые утешения парня за ее спиной. «Три».

Сжав губы, я отхожу от Риты и края крыши.

Локоть болит. Я задираю рукав, чтобы его осмотреть; рука дрожит. Кожа содрана, но крови нет.

– Ого! Какой скандал! Сухарь обнажил кусочек тела!

Я поднимаю голову. Сухарь – кличка альтруистов, а я здесь единственная альтруистка. Питер тычет в меня пальцем и ухмыляется. Я слышу смех. Мои щеки вспыхивают, и я опускаю рукав.

– Тихо все! Меня зовут Макс! Я один из лидеров вашей новой фракции! – кричит мужчина на дальней стороне крыши.

Он старше остальных, с глубокими морщинами на темной коже и сединой на висках, и он стоит на бортике крыши, как будто на тротуаре. Как будто никто только что не упал и не разбился насмерть.

– Несколькими этажами ниже – вход в наш лагерь. Если вы не сможете собраться с духом и прыгнуть – вам тут не место. Наши неофиты вправе пойти первыми.

– Вы хотите, чтобы мы прыгнули с бортика? – уточняет эрудитка.

Она на несколько дюймов выше меня, с мышиного цвета волосами и полными губами. У нее отвисает челюсть.

Не понимаю, почему ее это шокирует.

– Да, – отвечает Макс.

Похоже, ему весело.

– Там внизу вода или что-нибудь в этом роде?

– Кто знает? – Он поднимает брови.

Толпа перед неопитами раздается, освобождая для нас широкий проход. Я оглядываюсь. Никто особенно не рвется прыгать с крыши – все смотрят куда угодно, только не на Макса. Кто-то изучает свои царапины или смахивает камешки с одежды. Я кошусь на Питера. Он ковыряет ноготь. Старается вести себя небрежно.

Я гордая. Когда-нибудь это не доведет меня до добра, но сегодня придает храбрости. Я иду к бортику и слышу смешки за спиной.

Макс отходит в сторону, освобождая мне путь. Я подхожу к краю и смотрю вниз. Ветер продувает одежду насквозь, хлопает тканью. Здание, на котором я стою, является стороной квадрата, образованного еще тремя такими же зданиями. Посередине квадрата – огромная дыра в бетоне. Я не вижу, что там, внутри.

Нас берут на испуг. Я благополучно приземлюсь на дне. Это знание – единственное, что помогает мне ступить на бортик. У меня стучат зубы. Идти на попятный поздно. Только не с этими людьми за спиной, которые бьются об заклад, что я провалюсь. Мои пальцы теребят воротник рубашки и нащупывают пуговицу. Через несколько попыток я расстегиваю рубашку от воротника до подола и стягиваю ее с плеч.

Внизу у меня серая футболка. Она обтягивает сильнее, чем любая другая моя одежда, и никто меня в ней раньше не видел. Я скатываю рубашку в комок и оглядываюсь на Питера. Сжав зубы, я со всей силы швыряю в него комок ткани. Он попадает ему в грудь. Питер глядит на меня. Я слышу свист и возгласы за спиной.

Я снова смотрю на дыру. Мои бледные руки покрываются мурашками, живот сводит. Если я не сделаю это сейчас, я вообще не смогу это сделать. Я с трудом сглатываю.

Я не размышляю. Просто поджимаю колени и прыгаю.

Воздух завывает в ушах, когда земля несется ко мне, разрастаясь и ширясь, или я несусь к земле, а сердце колотится так сильно, что становится больно, и каждая мышца в теле напрягается по мере того, как ощущение падения скручивает желудок. Дыра окружает меня, и я падаю в темноту.

Я сильно ударяюсь о нечто. Нечто прогибается и баюкает мое тело. Удар вышибает из меня дух, и я хрипло пытаюсь вдохнуть. Руки и ноги болят.

Сеть. На дне дыры – сеть. Я смотрю вверх, на здание, и смеюсь, наполовину от облегчения, наполовину в истерике. Меня сотрясает дрожь, и я закрываю лицо руками. Я только что спрыгнула с крыши.

Я должна снова встать на твердую почву. Я вижу несколько рук, протянутых от края сети, хватаю первую, до которой могу достать, и подтягиваюсь. Я перекатываюсь и чуть не падаю лицом на деревянный пол, но он ловит меня.

«Он» – это молодой мужчина, обладатель руки, за которую я ухватилась. У него тонкая верхняя губа и полная нижняя. Его глаза посажены так глубоко, что ресницы касаются кожи под бровями; темно-синие глаза мечтательного, сонного, ждущего цвета.

Он хватает меня за плечи и отпускает на мгновение позже, чем я выпрямляюсь.

– Спасибо, – благодарю я.

Мы стоим на платформе в десяти футах над землей. Вокруг нас – открытая пещера.

– Поверить не могу, – произносит голос из-за спины парня.

Он принадлежит темноволосой девушке с тремя серебряными колечками в правой брови. Она ухмыляется, глядя на меня.

– Сухарь спрыгнул первым? Неслыханно.

– Она не просто так их оставила, Лорен, – возражает он глубоким, рокочущим голосом. – Как тебя зовут?

– Э-э... – Не знаю, почему я замялась. Но «Беатрис» больше не кажется правильным именем.

– Подумай как следует. – Его губы кривятся в слабой улыбке. – Второй раз выбирать не придется.

Новое место, новое имя. Здесь я смогу родиться заново.

– Трис, – уверенно отвечаю я.

– Трис, – усмехается Лорен. – Объяви, Четыре.

Парень – Четыре – оглядывается и кричит:

– Первой прыгнула Трис!

По мере того как глаза привыкают, в темноте материализуется толпа. Люди одобрительно кричат и машут кулаками, а затем еще кто-то падает в сеть. Падение сопровождают крики. Кристина. Все смеются, но снова одобрительно кричат.

Четыре кладет руку мне на спину и говорит:

– Добро пожаловать в Лихость.

Глава 7

Когда все неофиты снова стоят на твердой земле, Лорен и Четыре ведут нас по узкому тоннелю. Стены сложены из камня, как и потолочные скосы, и в результате кажется, будто я погружаюсь в самое сердце земли. Тоннель освещен через большие промежутки, так что в темных переходах между тусклыми лампами я боюсь, что заблудилась, пока не налетаю на чужой локоть. В лужицах света я снова оказываюсь в безопасности.

Эрудит передо мной резко останавливается, и я врезаюсь в него, ударяясь носом о плечо. Спотыкаясь, я шагаю назад и потираю нос, приходя в себя. Остановилась вся толпа, и три наших лидера стоят впереди, сложив руки на груди.

– Здесь мы разделимся, – говорит Лорен. – Неофиты, рожденные в Лихости, – за мной. Полагаю, вам экскурсия не нужна.

Она улыбается и подзывает неофитов-лихачей. Они откалываются от группы и растворяются среди теней. Я слежу, как последние пятки скрываются во мраке, и перевожу взгляд на тех, кто остался. Большинство неофитов родились в Лихости, так что осталось всего девять человек. Из них я единственный переходник из Альтруизма, а переходников из Товарищества нет вовсе. Прочие – из Эрудиции и, как ни странно, Правдолюбия. Наверное, нужна смелость, чтобы все время быть честным. Мне об этом ничего не известно.

Четыре обращается к нам.

– Бо?льшую часть времени я работаю в диспетчерской, но следующие несколько недель я ваш инструктор, – сообщает он. – Меня зовут Четыре.

– Четыре? – переспрашивает Кристина. – Как цифра?

– Да, – подтверждает Четыре. – Что-то не так?

– Нет.

– Хорошо. Сейчас мы пойдем в Яму, которую вы рано или поздно полюбите. Это...

Кристина фыркает:

– Яма? Отличное название.

Четыре подходит к Кристине и наклоняется к ее лицу. Его глаза сужаются, и мгновение он просто смотрит на нее.

– Как тебя зовут? – тихо спрашивает он.

– Кристина, – пищит она.

– Вот что, Кристина, – шипит он, – если бы я хотел мириться с наглецами-правдолюбями, я бы вступил в их фракцию. Вот первый урок, который я тебе преподам: держи язык за зубами. Поняла?

Она кивает.

Четыре идет к тени в конце тоннеля. Толпа неофитов следует за ним.

– Вот придурок, – бормочет она.

– Наверное, он не любит, когда над ним смеются, – отвечаю я.

Пожалуй, с Четыре лучше быть поосторожнее, осознаю я. На платформе он казался безмятежным, но теперь его спокойствие чем-то меня настораживает.

Четыре распахивает двойные двери, и мы входим в помещение, которое он назвал Ямой.

– Ох, – шепчет Кристина. – Теперь понятно.

«Яма» – самое подходящее название. Это подземная пещера, такая огромная, что я не вижу противоположной стороны со дна, на котором стою. Неровные каменные стены возвышаются над головой на несколько этажей. В них высечены ниши для еды, одежды, припасов и отдыха. Соединяют их узкие тропинки и лестницы, вырезанные из камня. Перил, чтобы люди не падали, нет.

На одной из каменных стен лежит косой оранжевый луч. Крыша Ямы сделана из стеклянных панелей, а над ней возвышается здание, которое впускает солнечный свет. Наверное, оно казалось обычным городским зданием, когда мы проезжали мимо на поезде.

Голубоватые фонари, такие же как в Зале выбора, с неравными промежутками висят над каменными тропинками. Их свет становится ярче по мере захода солнца.

Люди повсюду, все в черном, все кричат и разговаривают, оживленно жестикулируя. Я не вижу в толпе пожилых. Существуют ли пожилые лихачи? Они не доживают до старости или их просто отсылают прочь, когда они больше не в состоянии прыгать с несущегося поезда?

Стайка детей бежит по узкой тропке без перил так быстро, что у меня колотится сердце, и хочется крикнуть им, чтобы притормозили, пока не убились. Перед глазами вспыхивает воспоминание об упорядоченных улицах Альтруизма: колонна людей справа проходит мимо колонны людей слева; скупые улыбки, склоненные головы и тишина. У меня сводит живот. Но в хаосе Лихости есть нечто чудесное.

– Идите за мной, – говорит Четыре, – и я покажу вам пропасть.

Он манит нас вперед. Его лицо кажется довольно заурядным по стандартам лихачей, но, когда он поворачивается спиной, из-под воротника его футболки выглядывает татуировка. Он ведет нас к правой стороне Ямы, отчетливо темной. Я щурюсь и вижу, что пол, на котором я стою, кончается железным заграждением. Мы подходим к перилам, и я слышу рев – это вода, стремительно несущаяся вода разбивается о камни.

Я выглядываю за край. Пол обрывается под острым углом, и в нескольких этажах ниже мчится река. Неукротимый поток разбивается о стену и брызжет вверх. Слева от меня вода спокойнее, зато справа – сплошь белая, пенящаяся на камнях.

– Пропадь напоминает нам о тонкой грани между отвагой и глупостью! – кричит Четыре. – Безрассудный прыжок с этого уступа оборвет вашу жизнь. Такое уже случилось и будет случаться и впредь. Я вас предупредил.

– Невероятно, – замечает Кристина, когда мы все отходим от перил.

– Вот именно, невероятно, – киваю я.

Четыре ведет группу неопитов через Яму к зияющей дыре в стене. Комната за ней освещена достаточно хорошо, чтобы видеть, куда мы идем: обеденный зал, полный людей и звенящих столовых приборов. Мы заходим, и все лихачи встают. Они аплодируют. Топают ногами. Кричат. Шум окружает и переполняет меня.

Кристина улыбается, и через мгновение я присоединяюсь к ней.

Мы ищем свободные места. Мы с Кристиной находим почти пустой стол на краю комнаты, и я оказываюсь между ней и Четыре. Посередине стола стоит тарелка с незнакомой едой: круглые куски мяса между круглыми ломтями хлеба. Я зажимаю один пальцами, не зная, как к нему подступить.

Четыре пихает меня локтем.

– Это говядина, – подсказывает он. – Вот, намажь сверху.

Он передает мне маленькую мисочку красного соуса.

– Ты никогда не ела гамбургеров? – удивляется Кристина с широко распахнутыми глазами.

– Нет, – отвечаю я. – Это так они называются?

– Сухари едят простую еду, – объясняет Четыре Кристине.

– Почему? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

– Затейливость считается потаканием своим прихотям и излишеством.

Она ухмыляется.

– Неудивительно, что ты ушла.

– Ага. – Я закатываю глаза. – Все дело в еде.

Уголок рта Четыре дергается.

Двери в столовую открываются, и все умолкают. Я оборачиваюсь. Входит молодой мужчина, и в тишине слышны его шаги. Его лицо сплошь покрыто

пирсингом, а волосы длинные, темные и сальные. Но зловеще он выглядит не поэтому. Его ледяной взгляд скользит по комнате.

– Кто это? – шепчет Кристина.

– Его зовут Эрик, – отвечает Четыре. – Он лидер Лихости.

– Серьезно? Но он так молод.

Четыре мрачно смотрит на нее.

– Возраст здесь не главное.

Я вижу, что она собирается спросить о том же, что волнует и меня: «Тогда что главное?» Но Эрик заканчивает осмотр комнаты и идет к столу. Он идет к нашему столу и плюхается на стул рядом с Четыре. Он не здоровается, так что мы тоже не здороваемся.

– Ну что, представишь меня? – Он кивает на нас с Кристиной.

Четыре произносит:

– Это Трис и Кристина.

– Ого, Сухарь, – ухмыляется Эрик. Улыбка растягивает проколы от пирсинга в его губах, и я морщусь. – Посмотрим, долго ли ты протянешь.

Я должна что-то сказать, например, заверить его, что протяну очень долго... но слова не идут на ум. Не понимаю почему, но мне не хочется, чтобы Эрик смотрел на меня. Ни сейчас, ни в будущем.

Он барабанит пальцами по столу. Костяшки его пальцев сбиты, как будто он слишком сильно ударил их обо что-то.

– Чем ты занимался в последнее время, Четыре? – спрашивает он.

Четыре пожимает плечами.

– Да так, ничем.

Они друзья? Мой взгляд мечется между Эриком и Четыре. Все, что делает Эрик – сидит с нами, расспрашивает Четыре, – говорит о том, что они друзья, но поза Четыре, напряженная, словно натянутая струна, заставляет предположить, что они нечто иное. Соперники, быть может, но разве это возможно, если Эрик – лидер, а Четыре – нет?

– Макс говорит, что пытается встретиться с тобой, а ты не показываешься, – произносит Эрик. – Он просил разузнать, что с тобой происходит.

Четыре несколько секунд смотрит на Эрика, прежде чем ответить.

– Скажи ему, что я вполне доволен своим местом.

– То есть он хочет предложить тебе работу.

Кольца в брови Эрика сверкают на свету. Возможно, Эрик воспринимает Четыре как потенциальную угрозу его положению. Отец говорит, что те, кто стремится к власти и добивается ее, живут в вечном страхе ее потерять. Вот почему мы должны вручать власть тем, кто к ней не стремится.

– Похоже на то, – говорит Четыре.

– И тебе это не интересно.

– Мне два года это не интересно.

– Что ж, – произносит Эрик. – Тогда давай надеяться, что до него дойдет.

Он хлопает Четыре по плечу, чуть сильнее, чем нужно, и встает. Когда он уходит, я сразу оседаю на стуле. Я не осознавала, что так напряжена.

– Вы двое... друзья? – Я не в силах сдержать любопытство.

– Мы были в одном классе неофитов, – отвечает он. – Он перешел из Эрудиции.

Все мысли об осторожности вылетают из головы.

– Ты тоже был переходником?

– Я думал, нелегко придется только с правдолюбями, которые задают слишком много вопросов, – холодно парирует он. – Теперь и Сухари подключились?

– Наверное, это потому, что ты такой мягкий, – равнодушно предполагаю я. – Ну знаешь, как кровать, утыканная гвоздями.

Он смотрит на меня, и я не отвожу взгляд. Он не пес, но с ним работают те же правила. Отвернуться – значит подчиниться. Смотреть в глаза – значит бросить вызов. Это мой выбор.

Мои щеки вспыхивают. Что случится, когда напряжение разрядится?

Но он произносит только:

– Осторожно, Трис.

У меня екает в животе, как будто я проглотила камень. Взрослый лихач за соседним столом окликает Четыре, и я поворачиваюсь к Кристине. Она поднимает обе брови.

– Что? – спрашиваю я.

– Я разрабатываю теорию.

– И в чем она заключается?

Она берет свой гамбургер, усмехается и отвечает:

– В том, что у тебя подсознательная тяга к смерти.

После ужина Четыре исчезает, не проронив ни слова. Эрик ведет нас по бесконечным коридорам, не объясняя, куда мы идем. Я не знаю, почему лидер Лихости в ответе за группу неофитов, но, возможно, это только на сегодняшний вечер.

В конце каждого коридора горит голубоватая лампа, но в промежутке темно, и мне приходится идти осторожно, чтобы не споткнуться на неровной земле. Кристина молча шагает рядом. Нам не говорили соблюдать тишину, но все равно никто не разговаривает.

Эрик останавливается перед деревянной дверью и складывает руки на груди. Мы собираемся вокруг него.

– Если кто не в курсе, меня зовут Эрик, – сообщает он. – Я один из пяти лидеров Лихости. Мы здесь очень серьезно относимся к инициации, поэтому я вызвался проследить за большей частью вашего обучения.

От услышанного меня начинает подташнивать. То, что лидер Лихости будет приглядывать за нашей инициацией, само по себе плохо, но оттого, что это Эрик, мне по-настоящему худо.

– Несколько основных правил, – продолжает он. – Вы должны приходить в учебный класс к восьми утра каждый день. Обучение ведется без выходных с восьми до шести, с перерывом на обед. После шести вы вольны делать все, что хотите. У вас также будет немного свободного времени между ступенями инициации.

Слова «делать все, что хотите» застревают у меня в голове. Дома я ни единого вечера не могла делать то, что хотела. Я должна была сначала позаботиться о нуждах других. Я даже не знаю, что мне нравится делать.

– Покидать лагерь разрешается только в сопровождении лихачей, – добавляет Эрик. – За этой дверью – комната, где вы будете спать следующие несколько недель. Обратите внимание, что кроватей десять, а вас всего девять. Мы ожидали, что сюда доберется больший процент переходников.

– Но сначала нас было двенадцать, – возражает Кристина.

Я закрываю глаза и жду замечания. Ей надо научиться молчать.

– Всегда есть по меньшей мере один переходник, который не добирается до лагеря, – отвечает Эрик, ковыряя под ногтями, и пожимает плечами. – Как бы то ни было, на первой ступени инициации мы держим переходников и неофитов-лихачей порознь, но это не значит, что вас и оценивать будут по-разному. В конце инициации ваши ранги будут определяться в сравнении с рангами неофитов-лихачей. А они уже выше, чем ваши. Так что я думаю...

– Ранги? – переспрашивает эрудитка с мышиного цвета волосами справа от меня. – Но зачем нас ранжировать?

Эрик улыбается, и в голубоватом свете его улыбка кажется злобной, как будто ее прорезали ножом.

– Ранжирование преследует сразу две цели, – поясняет он. – Первая – определение порядка, в котором вы будете выбирать работу после инициации. Есть всего несколько по-настоящему хороших мест.

У меня сосет под ложечкой. Глядя на его улыбку, я понимаю – как поняла в ту же секунду, когда вошла в проверочную комнату, – что сейчас случится что-то плохое.

– Вторая цель, – произносит он, – состоит в том, что только лучшие десять неофитов будут приняты в члены фракции.

Мой живот пронзает болью. Мы стоим неподвижно, как статуи. А потом Кристина говорит:

– Что?!

– Неофитов-лихачей – одиннадцать, вас – девять, – продолжает Эрик. – Четырех неофитов отсеют в конце первой ступени. Остальных – после заключительного испытания.

Это значит, что, даже если мы пройдем все ступени инициации, шесть неофитов не станут членами фракции. Краешком глаза я ловлю взгляд Кристины, но не

могу ответить ей тем же. Я не свожу глаз с Эрика.

Мои шансы как самого маленького неофита, как единственного переходника-альтруиста невелики.

– Что мы будем делать, если нас отсеют? – спрашивает Питер.

– Покинете лагерь Лихости, – равнодушно отвечает Эрик, – и станете бесфракционниками.

Девушка с волосами мышиного цвета прижимает ладонь ко рту и подавляет всхлип. Я вспоминаю бесфракционника с серыми зубами, который выхватил пакетик яблок из моих рук. Вспоминаю его тусклый, пристальный взгляд. Но вместо того чтобы заплакать, как эрудитка, я становлюсь холоднее. Жестче.

Я стану членом фракции. Обязательно стану.

– Но это... нечестно! – кричит правдолюбка с широкими плечами, Молли. Несмотря на злость в голосе, она выглядит напуганной. – Если бы мы знали...

– Хочешь сказать, что если бы знала это до Церемонии выбора, то не выбрала бы Лихость? – рявкает Эрик. – Раз так, убирайся немедленно. Если ты действительно одна из нас, тебе должно быть все равно, что ты можешь провалиться. А если не все равно, ты трусиха.

Эрик толкает дверь в спальню.

– Вы выбрали нас, – говорит он. – Теперь наша очередь выбирать.

Я лежу в кровати и прислушиваюсь к дыханию девяти человек.

Я никогда раньше не спала в одной комнате с мальчиками, но выбора у меня нет, разве что лечь в коридоре. Все остальные переоделись в одежду, которую нам выдали лихачи, но я сплю в своей одежде Альтруизма, которая еще пахнет мылом и свежим воздухом, как дома.

Я привыкла к своей собственной комнате. Я видела из окна лужайку, а за ней туманный горизонт. Я привыкла спать в тишине.

При мысли о доме глаза начинает припекать, я моргаю, и по щеке скатывается слеза. Я прикрываю ладонью рот, чтобы заглушить всхлип.

Я не могу плакать, только не здесь. Я должна успокоиться.

Все будет хорошо. Я могу смотреть на свое отражение в любое время. Могу подружиться с Кристиной, коротко обрезать волосы и не прибираться за другими людьми.

У меня дрожат руки, и слезы катятся все быстрее, застилая взор.

Неважно, что, когда я в следующий раз увижу родителей, а это произойдет в День посещений, они с трудом узнают меня... если вообще придут. Неважно, что мне больно, когда их лица встают перед мысленным взором всего на миг. Даже лицо Калеба, несмотря на то, как сильно его тайны обидели меня. Я стараюсь вдыхать и выдыхать в унисон с другими неофитами. Все это неважно.

Размеренное дыхание прерывается придушенным звуком, а затем горьким всхлипом. Пружины скрипят под тяжелым телом, и подушка приглушает рыдания, но не до конца. Они доносятся с соседней двухъярусной кровати – это плачет правдолюб Ал, самый крупный и широкоплечий из неофитов. Мне и в голову не приходило, что он сломается.

Его ноги всего в нескольких дюймах от моей головы. Я должна утешить его... должна хотеть утешить его, потому что меня так воспитали. Вместо этого я испытываю отвращение. Такой сильный человек не должен быть слабым. Почему он не может плакать молча, как все остальные?

Я с трудом сглатываю.

Если бы мать знала, о чем я думаю, представляю, как она бы на меня посмотрела. Уголки ее рта опущены. Брови нависают над глазами – не хмуро, а почти устало. Я провожу ладонью по щекам.

Ал снова всхлипывает. Я почти чувствую, как его рыдания скребут у меня в горле. До парня всего несколько дюймов... я должна коснуться его.

Нет. Я опускаю руку и переворачиваюсь на бок, лицом к стене. Никто не обязан знать, что мне не хочется ему помогать. Я могу сохранить это в секрете. Глаза слипаются, и я чувствую приближение сна, но стоит мне чуть-чуть задремать, как я снова слышу Ала.

Возможно, дело не в том, что я не могу вернуться домой. Я буду скучать по матери, отцу и Калебу, по вечернему камину и перестуку маминых спиц, но это не единственная причина для сосущей пустоты в животе.

Возможно, дело в том, что, даже если бы я вернулась домой, я была бы чужой среди людей, которые отдают не раздумывая и заботятся не стараясь.

При этой мысли я скриплю зубами. Я накрываю голову подушкой, чтобы заглушить рыдания Ала, и засыпаю, прижавшись щекой к мокрому пятну.

Глава 8

– Первое, чему вы сегодня научитесь, – стрелять из пистолета. Второе – побеждать в схватке. – Четыре не глядя вкладывает пистолет мне в ладонь и идет дальше. – К счастью, поскольку вы здесь, вы уже знаете, как садиться на движущийся поезд и прыгивать с него, так что мне не нужно учить вас еще и этому.

Неудивительно, что лихачи требуют, чтобы мы взяли с места в карьер, но шести часов отдыха перед забегом мне явно недостаточно. Тело еще тяжелое после сна.

– Инициация разделена на три ступени. Мы будем измерять ваш прогресс и ранжировать вас по успехам на каждой ступени. Ступени имеют разный вес при определении вашего заключительного ранга, поэтому возможно, хоть и сложно, кардинально улучшить ранг со временем.

Я смотрю на оружие в своей руке. Никогда бы не подумала, что мне придется держать пистолет, не говоря уже о том, чтобы стрелять из него. Он кажется опасным, как будто я могу причинить кому-нибудь вред, даже просто прикоснувшись к нему.

– Мы верим, что подготовка искореняет трусость, которую мы определяем как неспособность действовать вопреки страху, – произносит Четыре. – Таким образом, ступени инициации предназначены для разносторонней подготовки. Первая ступень в основном физическая, вторая в основном эмоциональная, третья в основном интеллектуальная.

– Но что... – Питер сопровождает слова зевками. – Что общего между стрельбой из пистолета и... отвагой?

Четыре проворачивает пистолет на пальце, прижимает дуло ко лбу Питера и взводит курок. Питер замирает с открытым ртом, не завершив зевок.

– Проснись! – рявкает Четыре. – У тебя в руках заряженный пистолет, идиот. Веди себя соответственно.

Он опускает пистолет. Как только непосредственная угроза миновала, зеленые глаза Питера леденеют. Я удивлена, что он в состоянии удержаться от ответа, ведь он правдолюб и всегда высказывал все, что приходило на ум, и все же он молчит, заливаясь краской.

– Что касается твоего вопроса... намного меньше шансов, что вы наделаете в штаны и приметесь звать мамочку, если научитесь защищаться. – Четыре останавливается в конце ряда и поворачивается на каблуках. – Также эти сведения могут пригодиться вам позже на первой ступени. Итак, следите за мной.

Он поворачивается к стене с мишенями из клееной фанеры – по одному квадрату с тремя красными кружками для каждого из нас. Он стоит, расставив ноги, держит пистолет обеими руками и стреляет. От грохота ушам становится больно. Я вытягиваю шею, чтобы посмотреть на мишень. Пуля прошла через средний кружок.

Я поворачиваюсь к своей мишени. Родные никогда бы не одобрили стрельбу. Сказали бы, что оружие используется для самозащиты, а то и насилия, и потому своекорыстно.

Я отгоняю мысли о семье, широко расставляю ноги и осторожно обхватываю рукоять пистолета обеими руками. Пистолет тяжелый, и отвести его от тела нелегко, но я хочу, чтобы он был как можно дальше от лица. Я нажимаю на спуск, сперва нерешительно, затем тверже, и вся съеживаюсь. Выстрел бьет по ушам, отдача посылает руки к носу. Я спотыкаюсь и хватаюсь рукой за стену позади, чтобы не упасть. Не знаю, куда ушла пуля, но точно не в сторону мишени.

Я стреляю снова, и снова, и снова, но все пули летят мимо.

– С точки зрения статистики, – усмехается сосед-эрудит по имени Уилл, – ты должна была попасть в цель хотя бы раз, по чистой случайности.

У него светлые лохматые волосы и складка между бровями.

– Да ну, – ровным голосом произношу я.

– Ну да, – подтверждает он. – По-моему, ты бросаешь вызов природе.

Я скриплю зубами и поворачиваюсь к мишени, решив, по крайней мере, стоять неподвижно. Если я не могу справиться с первым же заданием, которое нам дали, как мне вообще преодолеть первую ступень?

Я с силой нажимаю на спуск, и на этот раз я готова к отдаче. Руки летят назад, но ноги словно врастают в землю. На краю мишени появляется пулевая дыра, и я поднимаю бровь, глядя на Уилла.

– Вот видишь, я прав. Статистика не лжет, – говорит он.

Я чуть улыбаюсь.

Мне требуется пять патронов, чтобы попасть в центр мишени, и когда это наконец удастся, меня переполняет энергия. Я проснулась, мои глаза широко

распахнуты, руки горят. Я опускаю пистолет. Какое могущество – контролировать нечто способное нанести столько вреда... да и вообще контролировать нечто.

Возможно, здесь мое место.

К перерыву на обед мои руки трясутся от напряжения, а пальцы сложно выпрямить. Я массирую их по дороге в столовую. Кристина приглашает Ала сесть с нами. При виде него я всякий раз снова слышу рыдания и потому стараюсь на него не смотреть.

Я размазываю горох по тарелке вилкой, и мои мысли возвращаются к проверке склонностей. Когда Тори предупредила, что быть дивергентом опасно, мне показалось, будто на мне стоит клеймо и стоит совершить единственную ошибку, как его кто-нибудь заметит. До сих пор это не было проблемой, но я все равно не чувствую себя в безопасности. Что, если я ослаблю бдительность и случится что-то ужасное?

– Да ладно. Ты меня не помнишь? – спрашивает Ала Кристина, сооружая сэндвич. – Мы вместе ходили на математику всего пару дней назад. И я не тихоня.

– Я спал бо?льшую часть математики, – отвечает Ал. – Это был первый урок!

Что, если опасность затаится на время... что, если она проявится через много лет и я даже не замечу ее приближения?

– Трис. – Кристина щелкает пальцами у меня под носом. – Ты здесь?

– Что? Что случилось?

– Я спросила, не помнишь ли ты, чтобы мы ходили на одни уроки, – повторяет она. – В смысле, без обид, но я бы, наверное, тебя не запомнила. Все альтруисты казались мне одинаковыми. То есть они и сейчас кажутся мне одинаковыми, но ты больше не одна из них.

Я смотрю на нее. Как будто я нуждаюсь в напоминании.

– Извини, если обидела, – добавляет она. – Я привыкла говорить все, что приходит на ум. Мама часто повторяет, что вежливость – это ложь в красивой упаковке.

Я издаю короткий смешок.

– Наверное, поэтому наши фракции редко общаются.

Правдолюбие и Альтруизм не непримиримые враги, как Эрудиция и Альтруизм, но избегают друг друга. По-настоящему Правдолюбие не терпит Товарищества. Правдолюбые говорят, что те, кто превыше всего ценит покой, обязательно обманут, лишь бы не мутить воду.

– Можно к вам? – Уилл барабанит пальцами по столу.

– Что, не хочешь тусоваться со своими дружками-эрудитами? – удивляется Кристина.

– Они не мои дружки. – Уилл ставит тарелку на стол. – То, что мы были в одной фракции, еще не означает, что мы ладим. К тому же Эдвард и Майра встречаются, и я не хочу быть третьим лишним.

Эдвард и Майра, оставшиеся переходники-эрудиты, сидят в двух столах от нас, так близко, что стукаются локтями, разрезая пищу. Майра прерывается, чтобы поцеловать Эдварда. Я осторожно наблюдаю за ними. До сих пор я всего несколько раз видела, как люди целуются.

Эдвард поворачивает голову и прижимается губами к губам Майры. Я выпускаю воздух сквозь сжатые зубы и отворачиваюсь. Часть меня хочет, чтобы им сделали замечание. Другая часть с ноткой отчаяния задумывается, каково это – ощущать прикосновение чужих губ.

– Обязательно выставлять себя напоказ? – спрашиваю я.

– Она просто поцеловала его, – хмурится Ал. Когда он хмурится, густые брови касаются его ресниц. – Можно подумать, они голые.

– Поцелуи – не то, чем занимаются на людях.

Ал, Уилл и Кристина с пониманием улыбаются.

– Что? – спрашиваю я.

– Это в тебе Альтруизм говорит, – поясняет Кристина. – Остальные не против капельки нежностей на людях.

– Вот как? – Я пожимаю плечами. – Что ж... наверное, мне придется с этим смириться.

– Или можешь оставаться фригидной. – Зеленые глаза Уилла лукаво блестят. – Ну, знаешь. Если хочешь.

Кристина бросает в него булочку. Он ловит ее и вгрызается зубами.

– Не обижай ее, – произносит она. – Фригидность дана ей от природы. Примерно как всезнайство – тебе.

– Я не фригидная! – восклицаю я.

– Не стоит так переживать, – замечает Уилл. – Это ужасно мило. Смотри, ты вся покраснелась.

От его слов я еще гуще заливаюсь краской. Все хихикают. Я выдавливаю из себя смешок, и через несколько мгновений он становится искренним.

Как хорошо снова смеяться.

После обеда Четыре ведет нас в новую комнату. Просторную, с потрескавшимся и скрипучим деревянным полом и большим кругом, нарисованным посередине.

На левой стене – зеленая доска для записей мелом. Учительница Нижних ступеней пользовалась подобной, но с тех пор я их не видела. Возможно, это как-то связано с приоритетами Лихости: обучение важнее технологии.

Наши имена написаны на доске в алфавитном порядке. Вдоль одной из стен через трехфутовые интервалы висят выцветшие черные боксерские груши.

Мы выстраиваемся за ними, и Четыре встает посередине, у всех на виду.

– Как я уже говорил утром, – произносит Четыре, – далее вам предстоит освоить борьбу. Цель – научить вас действовать, научить ваше тело отвечать на опасности и угрозы, а это потребуется, если вы намерены жить в Лихости.

Совершенно не представляю себе жизни в Лихости. Единственное, о чем я могу думать, – как пройти инициацию.

– Сегодня мы разучим технику, а завтра вы начнете сражаться друг с другом, – говорит Четыре. – Поэтому советую быть внимательными. Кто не будет ловить на лету, должен готовиться к синякам.

Четыре называет несколько разных ударов, демонстрируя их сначала в воздухе, затем с боксерской грушей.

Я успеваю за остальными. Как и в случае с пистолетом, мне нужно несколько попыток, чтобы разобраться, как правильно держаться и двигаться. Удары даются сложнее, хотя Четыре учит нас только основам. Груша обжигает руки и ноги, отчего кожа становится красной, но, как бы я ни старалась, мне не удастся толком сдвинуть ее с места. Вокруг беспрестанно слышатся звуки ударов о плотную ткань.

Четыре расхаживает по толпе неофитов, наблюдая, как мы повторяем движения снова и снова. Когда он останавливается передо мной, у меня скручивает внутренности, как будто их помешивают вилкой. Он смотрит на меня, меряет взглядом с головы до пят, нигде не задерживаясь, – практичным, изучающим взглядом.

– У тебя мало мышц, – говорит он, – а значит, лучше использовать колени и локти. В них можно вложить больше силы.

Внезапно он прижимает руку к моему животу. Его пальцы такие длинные, что ладонь касается обеих сторон грудной клетки. Мое сердце бьется так сильно, что грудь болит, и я смотрю на него широко распахнутыми глазами.

– Не забывай держать живот напряженным, – тихо произносит он.

Четыре убирает руку и идет дальше. Я чувствую давление его ладони даже после того, как он уходит. Странно, но мне приходится остановиться и перевести дыхание, прежде чем продолжить тренировку.

Когда Четыре отпускает нас на ужин, Кристина толкает меня локтем.

– Удивительно, что он не разорвал тебя пополам, – говорит она и морщит нос. – Он пугает меня до полусмерти. Этот его тихий голос...

– Угу. Он...

Я оборачиваюсь через плечо. Четыре спокоен и поразительно сдержан. Но я не боялась, что он причинит мне боль.

– ...и вправду пугает, – наконец говорю я.

Ал, который шел перед нами, оборачивается у Ямы и заявляет:

– Я хочу сделать татуировку.

– Какую именно? – спрашивает Уилл из-за спины.

– Не знаю, – смеется Ал. – Просто хочу почувствовать, что и вправду покинул старую фракцию. Больше не тоскую по ней.

Мы ничего не отвечаем, и он добавляет:

– Я же знаю, что вы меня слышали.

– Хочешь научиться помалкивать, а? – Кристина тычет Ала в толстую руку. – Я думаю, ты прав. Сейчас мы наполовину здесь, наполовину там. Чтобы оказаться здесь целиком, надо выглядеть как все.

Она косится на меня.

– Нет. Я не стану обрезать волосы, – говорю я, – или красить их в странный цвет. Или прокалывать лицо.

– А как насчет пупка? – спрашивает она.

– Или соска? – фыркает Уилл.

Я издаю стон.

Обучение на сегодня закончилось, и мы вольны делать, что захотим, до самого отбоя. При мысли об этом у меня немного кружится голова, хотя, возможно, виновата усталость.

Яма кишит людьми. Кристина предлагает Алу и Уиллу встретиться в тату-студии и тащит меня на склад одежды. Мы карабкаемся по тропинке, взбираемся все выше над дном Ямы, и камешки летят из-под наших ботинок.

– А что не так с моей одеждой? – спрашиваю я. – Я больше не ношу серое.

– Она уродливая и безразмерная, – вздыхает Кристина. – Просто разреши мне помочь. Если тебе не понравится то, что я выберу, обещаю, тебе больше не придется это надевать.

Через десять минут я стою перед зеркалом на складе одежды в черном платье до колен. Юбка не пышная, но и к бедрам не липнет, в отличие от первой, выбранной Кристиной, от которой я отказалась. Мои голые руки покрываются мурашками. Кристина стягивает резинку с моих волос, и я расплетаю косу. Волнистые пряди ложатся на плечи.

Затем она показывает черный карандаш.

– Подводка для глаз, – поясняет она.

– Имей в виду, у тебя не получится сделать меня симпатичной.

Я закрываю глаза и не двигаюсь. Она проводит кончиком карандаша вдоль ресниц. Я представляю, как стою перед своей семьей в этой одежде, и меня чуть не выворачивает наизнанку.

– Кому охота быть симпатичной? Я сделаю тебя заметной.

Я открываю глаза и впервые смотрю на свое отражение прямо. Сердце бьется все быстрее, как будто я нарушаю правила и меня должны наказать. Избавиться от внушенного мне образа мыслей альтруиста будет нелегко, все равно что вытащить одну-единственную нить из сложной вышивки. Но я найду новые привычки, новые мысли, новые правила. Я стану кем-то другим.

Мои глаза всегда были голубыми, но тусклыми, серовато-голубыми – подводка сделала их ярче. В раме из волос черты лица кажутся мягче и полнее. Я не стала симпатичной – мои глаза слишком большие, а нос слишком длинный, – но я вижу, что Кристина права. Мое лицо трудно не заметить.

Мне не кажется, что я вижу себя впервые; мне кажется, что я впервые вижу кого-то другого. Беатрис – девушка, которую я украдкой разглядывала в зеркале, которая тихо сидела за ужином. А это – та, чьи глаза притягивают и не отпускают меня; это Трис.

– Видишь? – произносит Кристина. – Ты... потрясающая.

Учитывая обстоятельства, это лучший комплимент, который она могла придумать. Я улыбаюсь ей в зеркале.

– Тебе нравится? – спрашивает она.

– Ага, – киваю я. – Я выгляжу... другим человеком.

Она смеется.

– Это хорошо или плохо?

Я снова смотрю себе в глаза. И впервые не переживаю из-за необходимости отказаться от своей прежней личности; отражение дарит мне надежду.

– Хорошо. – Я качаю головой. – Извини, просто мне никогда не позволяли смотреть в зеркало так долго.

– Серьезно? – Кристина тоже качает головой. – Должна сказать, Альтруизм – очень странная фракция.

– Идем поглядим, как Алу делают татуировку, – предлагаю я.

Хотя я и покинула свою фракцию, я пока не готова ее критиковать.

Дома мы с матерью забирали почти одинаковые стопки одежды примерно раз в полгода. Легко распределять ресурсы, когда все получают одно и то же, но в лагере Лихости намного больше разнообразия. Каждый лихач получает несколько талонов, чтобы потратить в течение месяца, и платье стоит один такой талон.

Мы с Кристиной бежим по узкой тропинке в тату-студию. Когда мы туда добираемся, Ал уже сидит в кресле, и невысокий худощавый мужчина, на котором больше чернил, чем чистой кожи, рисует на его плече паука.

Уилл и Кристина листают книги с рисунками, пихая друг друга локтями при виде особо удачных. Когда они сидят рядом, я вижу, насколько они разные. Кристина темнокожая и худая, Уилл бледный и крепкий, но их беспечные улыбки очень похожи.

Я брожу по комнате, разглядывая картины на стенах. В наши дни художники сохранились только в Товариществе. Альтруисты считают искусство непрактичным, а любованию им – временем, которое можно потратить на службу людям, и потому я видела произведения искусства в учебниках, но никогда не бывала в украшенных комнатах. От картин комната словно становится уютней и

теплее, и я могла бы провести в ней многие часы, не замечая времени. Я провожу по стене кончиками пальцев. Изображение ястреба на одной из стен напоминает мне татуировку Тори. Под ним висит набросок птицы в полете.

– Это ворон, – произносит голос за спиной. – Правда, красиво?

Я оборачиваюсь и вижу Тори. Я словно возвращаюсь в комнату для проверки склонностей, в окружении зеркал, с проводами на лбу. Не думала, что снова увижу ее.

– Ну, привет, – улыбается она. – Не думала, что снова увижу тебя. Беатрис, верно?

– Вообще-то Трис, – отвечаю я. – Вы работаете здесь?

– Да. Просто отлучилась, чтобы помочь с проверкой. Большую часть времени я здесь. – Она постукивает пальцем по подбородку. – Знакомое имя. Кажется, ты прыгнула первой?

– Да.

– Молодец.

– Спасибо. – Я касаюсь наброска птицы. – Послушайте... мне нужно поговорить с вами...

Я поглядываю на Уилла и Кристину. Я не могу отвести Тори в сторонку сейчас; они будут спрашивать.

– ...кое о чем. Когда-нибудь.

– Не уверена, что это умно, – тихо отвечает она. – Я помогла тебе, чем смогла, и теперь ты должна справляться сама.

Я покусываю губы. У нее есть ответы, я это знаю. Если она не хочет поделиться ими сейчас, я найду способ разговорить ее в будущем.

– Хочешь сделать татуировку? – спрашивает она.

Набросок птицы приковывает мой взгляд. Я не собиралась делать пирсинг или татуировку, когда пришла сюда. Я знаю, что, если сделаю татуировку, это вобьет еще один клин между мной и семьей, который я никогда не смогу вытащить. И если моя жизнь продолжится в том же духе, скоро он станет самым незначительным клином между нами.

Но теперь я понимаю слова Тори о том, что ее татуировка символизирует страх, который она преодолела... это напоминание о том, кем она была, и напоминание о том, кем она стала. Возможно, есть способ почтить свою прежнюю жизнь и одновременно принять новую.

– Да, – отвечаю я. – Три такие птицы.

Я касаюсь ключицы, отмечая их полет... к сердцу. По одной для каждого члена семьи, которого я оставила позади.

Глава 9

– Поскольку вас нечетное количество, один из вас сегодня драться не будет, – говорит Четыре, отходя от доски в зале для тренировок.

Он косится на меня. Рядом с моим именем – пусто.

Узел в животе ослабевает. Отсрочка.

– Ничего себе!

Кристина пихает меня локтем, попадает в одну из ноющих мышц – этим утром ноющих мышц у меня больше, чем здоровых, – и я морщусь.

– Ой!

– Извини, – произносит она. – Но ты только посмотри! Меня поставили против Танка.

Мы с Кристиной вместе сидели за завтраком, а до того она прикрывала меня в спальне, когда я переодевалась. У меня прежде не было таких друзей. Сьюзен больше ладила с Калемом, чем со мной, а Роберт во всем следовал за Сьюзен.

Наверное, у меня просто раньше не было друзей. Невозможно завязать настоящую дружбу, если никто не готов принять помощь или хотя бы рассказать о себе. Здесь это исключено. Я уже знаю о Кристине больше, чем когда-либо знала о Сьюзен, а ведь прошло всего два дня.

– Против Танка?

Я нахожу имя Кристины на доске. Рядом с ним написано «Молли».

– Да, приспешника Питера, чуть более женственного с виду.

Она кивает на кучку ребят на другой стороне комнаты. Молли высокая, как и Кристина, но на этом сходство заканчивается. У нее широкие плечи, бронзовая кожа и нос картошкой.

– Эти трое, – Кристина по очереди указывает на Питера, Дрю и Молли, – неразлучны едва ли не с рождения. Я их ненавижу.

Уилл и Ал стоят на арене. Они держат руки у лица, чтобы защищаться, как учил Четыре, и топчутся по кругу. Ал на полфута выше Уилла и вдвое шире. Глядя на него, я осознаю, что у него большие даже черты лица – большой нос, большие губы, большие глаза. Эта схватка продлится недолго.

Я смотрю на Питера и его друзей. Дрю ниже, чем Питер и Молли, но сложением напоминает валун и постоянно сутулится. У него оранжевые волосы, цвета старой морковки.

– А что с ними не так? – спрашиваю я.

– Питер – дьявол во плоти. В детстве он затевал драки с ребятами из других фракций, а когда взрослые их разнимали, плакал и выдумывал, будто это другой ребенок все начал. И конечно, ему верили, потому что мы были правдолюбам и не могли лгать. Ха-ха.

Кристина морщит нос и добавляет:

– Дрю – всего лишь его подручный. Сомневаюсь, что у него в черепашке есть хоть одна самостоятельная мысль. А Молли... она из тех, кто поджигает муравьев через лупу, только чтобы посмотреть, как их крючит.

На арене Ал наносит Уиллу мощный удар в челюсть. Я морщусь. На другой стороне комнаты Эрик улыбается Алу и поворачивает колечко в брови.

Уилла ведет в сторону, одну руку он прижимает к лицу, другой блокирует следующий удар. Судя по его гримасе, блокировать удар не менее болезненно, чем пропустить его. Ал нетороплив, зато силен.

Питер, Дрю и Молли украдкой поглядывают в нашу сторону, затем сближают головы и шепчутся.

– По-моему, они догадались, что мы говорили о них, – замечаю я.

– Ну и что? Они и так знают, что я их ненавижу.

– Знают? Откуда?

Кристина притворно улыбается и машет рукой. Я с горящими щеками смотрю в пол. Мне в любом случае не следовало сплетничать. Сплетни – потакание своим прихотям.

Уилл зацепляет ногу Ала своей и дергает, опрокидывая Ала на землю. Ал неуклюже поднимается.

– Потому что я им сказала, – поясняет она сквозь сжатые зубы, не переставая улыбаться. У нее прямые верхние зубы и кривые нижние. Она смотрит на меня. – В Правдолюбии все стараются искренно проявлять свои чувства. Многие

говорили мне, что я им не нравлюсь. И многие не говорили. Какая разница?

– Просто мы... не должны были обижать других, – отвечаю я.

– Предпочитаю думать, что моя ненависть идет им во благо, – возражает она. – Я напоминаю им, что они вовсе не божий дар человечеству.

Я хихикаю и снова сосредоточиваюсь на арене. Уилл и Ал несколько секунд стоят друг против друга, в их движениях появляется неуверенность. Уилл смахивает светлые волосы с глаз. Противники поглядывают на Четыре, как будто ждут, что он остановит схватку, но он стоит, скрестив руки на груди, и не реагирует. В нескольких футах от него Эрик смотрит на часы.

Еще через пару секунд топтания на месте Эрик кричит:

– Вы что, развлекаться сюда пришли? Вздремнуть никому не надо? Деритесь, черт побери!

– Но...

Ал выпрямляется, опускает руки и спрашивает:

– Нам начисляются очки или как? Когда закончится схватка?

– Когда один из вас не сможет продолжать, – отвечает Эрик.

– По правилам Лихости, – добавляет Четыре, – один из вас также может сдаться.

Эрик смотрит на Четыре, сощурившись.

– По старым правилам, – уточняет он. – По новым правилам сдаваться нельзя.

– Смелые признают чужую силу, – возражает Четыре.

– Смелые не сдаются.

Четыре и Эрик еще несколько секунд глядят друг на друга. Передо мной словно два типа лихачей: великодушный и безжалостный. Но даже я знаю, что в этой комнате властью обладает Эрик, самый молодой лидер Лихости.

Капли пота проступают на лбу Ала; он вытирает их тыльной стороной ладони.

– Это попросту нелепо. – Ал качает головой. – Какой смысл избивать его? Мы в одной фракции!

– Неужели ты думаешь, это так просто? – усмехается Уилл. – Давай, вперед. Попробуй меня ударить, копуша.

Уилл снова поднимает руки. В его глазах появляется решимость. Он правда верит, что может победить? Один хороший удар в голову, и Ал его вырубит.

Если, конечно, сможет дотянуться. Ал пытается нанести удар, и Уилл пригибается. Его шея блестит от пота. Он уклоняется от очередного удара, ловко обходит Ала и со всей силы бьет в спину. Ал кренится вперед и поворачивается.

В детстве я читала книгу о гризли. Помню картинку, на которой медведь стоял на задних лапах, вытянув передние, и ревел. Именно так Ал выглядит сейчас. Он бросается на Уилла, хватая его за плечо, чтобы не дать ускользнуть, и сильно бьет в челюсть.

Я вижу, как свет гаснет в глазах Уилла, светло-зеленых, как сельдерей. Его глаза закатываются, тело обмякает. Он выскальзывается из хватки Ала и мертвым грузом оседает на пол. Холодок бежит у меня по спине и распирает грудь.

Глаза Ала широко распахиваются, и он приседает рядом с Уиллом, похлопывая его по щеке. В комнате воцаряется тишина, все ждут, очнется ли Уилл. Несколько секунд он не подает признаков жизни, а только лежит на согнутой руке. Затем моргает, явно оглушенный.

– Подними его, – приказывает Эрик.

Он жадно смотрит на распростертое тело Уилла, как голодный – на сытный обед. Его губы кривятся в жестокой ухмылке.

Четыре поворачивается к доске и обводит имя Ала. Победа.

– Следующие – Молли и Кристина! – кричит Эрик.

Ал кладет руку Уилла себе на плечи и утаскивает его с арены.

Кристина хрустит костяшками. Я пожелала бы ей удачи, но что толку? Кристина не слабая, но намного более хрупкая, чем Молли. Надеюсь, рост ей поможет.

Напротив меня Четыре поддерживает Уилла за талию и выводит из комнаты. Ал мгновение стоит у двери и смотрит им вслед.

Уход Четыре заставляет меня встревожиться. Оставить нас с Эриком – все равно что доверить детей няне, которая на досуге точит ножи.

Кристина заправляет волосы за уши. У нее черные волосы длиной до подбородка, убранные назад серебряными заколками. Она снова хрустит костяшками. Похоже, она нервничает, и неудивительно – а кто бы не нервничал, увидев, как Уилл рухнул на пол тряпичной куклой?

Если все конфликты в Лихости решаются схваткой до победного конца, что эта часть инициации готовит мне? Мне предстоит стоять над поверженным противником, сознавая, что это я его избила, как Ал, или лежать беспомощной грудой, как Уилл? Жажда победы – эгоистично или отважно? Я вытираю потные ладони о брюки.

Я возвращаюсь к реальности, когда Кристина бьет Молли в бок. Молли ахает и скрипит зубами, как будто готовится зарычать. Тонкая прядь черных волос падает ей на лицо, но она ее не отводит.

Ал стоит рядом со мной, но я слишком сосредоточена на новой схватке, чтобы смотреть на него или поздравлять с победой, если он, конечно, этого хочет. Я не уверена.

Молли ухмыляется Кристине и без предупреждения нагибается, вытягивая руки. Она с размаху ударяет Кристину в живот, сбивая с ног, и прижимает к земле. Кристина извивается, но Молли тяжелая, ее не сдвинуть.

Молли бьет, и Кристина дергает головой, уклоняясь от удара, но она бьет снова и снова, пока кулак не попадает Кристине по челюсти, носу, губам. Я машинально хватаю Ала за руку и сжимаю что есть сил. Мне просто нужно за что-то держаться. Кровь течет по щеке Кристины и брызгает на землю. Я впервые в жизни молюсь, чтобы кто-то потерял сознание.

Но она не теряет сознание. Кристина кричит и высвобождает одну руку. Она бьет Молли в ухо, заставляя ее потерять равновесие, и выворачивается. Встает на колени, держась рукой за лицо. Из ее носа течет темная тягучая кровь и заливает пальцы. Кристина снова кричит и отползает от Молли. По ее вздрагивающим плечам ясно, что она рыдает, но я с трудом что-то слышу сквозь пульсацию крови в ушах.

«Пожалуйста, потеряй сознание».

Молли пинает Кристину в бок, отчего та растягивается на спине. Ал высвобождает руку и крепко прижимает меня к себе. Я стискиваю зубы, чтобы не расплакаться. Я не жалела Ала той первой ночью, но я еще не жестока; от вида Кристины, обхватившей руками грудь, мне хочется броситься между ней и Молли.

– Хватит! – воет Кристина, когда Молли заносит ногу, чтобы ударить еще раз.

Она протягивает руку.

– Хватит! Я... – Она кашляет. – Я сдаюсь.

Молли улыбается, и я вздыхаю от облегчения. Ал тоже вздыхает, его грудная клетка поднимается и опускается рядом с моим плечом.

Эрик идет на середину арены, нарочито медленно, и встает над Кристиной, сложив руки на груди.

– Прошу прощения, что ты сказала? – тихо спрашивает он. – Ты сдаешься?

Кристина с трудом поднимается на колени. Когда она отрывает руку от земли, на полу остается красный отпечаток. Она морщит нос, чтобы остановить кровотечение, и кивает.

– Вставай, – произносит он.

Если бы он закричал, мне бы не показалось, что меня вот-вот вывернет. Если бы он закричал, я поняла бы, что крик – худшее, что он собирается сделать. Но он говорит тихо и обдуманно. Он хватает Кристину за руку, рывком поднимает с пола и тащит к двери.

– За мной! – приказывает он остальным.

И мы повинuemся.

Река ревет у меня в груди.

Мы стоим у перил. В Яме почти никого нет; сейчас середина дня, хотя кажется, что наступила нескончаемая ночь.

Если бы вокруг были люди, не думаю, чтобы кто-нибудь помог Кристине. Во-первых, мы с Эриком, а во-вторых, у лихачей другие правила – правила, которые допускают жестокость.

Эрик толкает Кристину к перилам.

– Перелезай, – приказывает он.

– Что?

Она произносит это так, как будто ожидает, что он уступит, но ее широко распахнутые глаза и пепельное лицо говорят об обратном. Эрик не пойдет на попятный.

– Перелезай через перила, – повторяет Эрик, медленно произнося каждое слово. – Если сможешь провисеть над пропастью пять минут, я прощу твою трусость. Если не сможешь, я не позволю тебе продолжить инициацию.

Перила узкие и металлические. А еще холодные и скользкие от водяных брызг. Даже если Кристине хватит смелости провисеть на них пять минут, она может просто не удержаться. Либо она решит стать бесфракционницей, либо рискнет жизнью.

Я закрываю глаза, представляю, как она падает на острые камни внизу, и содрогаюсь.

– Хорошо. – Ее голос дрожит.

Она достаточно высокая, чтобы перекинуть ногу через перила. Ее ступня трясется. Она опускает носок на уступ и перекидывает вторую ногу. Глядя на нас, она вытирает ладони о брюки и хватается за перила так крепко, что костяшки ее пальцев белеют. Затем она убирает одну ногу с уступа. И вторую. Я вижу между прутьями ограждения ее лицо, полное решимости, со сжатыми губами.

Рядом со мной Ал засекает время.

Первые полторы минуты у Кристины все хорошо. Она крепко держится за перила, и ее руки не дрожат. Я начинаю думать, что она может справиться и показать Эрику, как глупо было в ней сомневаться.

Но затем волна разбивается о стену и белые брызги окатывают спину Кристины. Она ударяется лицом об ограждение и вопит. Ее ладони соскальзывают, и теперь она держится одними кончиками пальцев. Она пытается ухватиться получше, но у нее мокрые руки.

Если я ей помогу, Эрик заставит меня разделить ее судьбу. Позволю ли я ей разбиться насмерть или обреку себя на участь бесфракционницы? Что хуже: бездействовать, когда другой умирает, или стать изгнанником, ничего не добившись?

Мои родители легко ответили бы на этот вопрос.

Но я не мои родители.

Насколько мне известно, Кристина не плакала с тех пор, как мы здесь оказались, но сейчас ее лицо морщится, и она всхлипывает так громко, что заглушает рев реки. Еще одна волна разбивается о стену, и брызги покрывают ее тело. Одна из капель попадает мне на щеку. Ее руки снова скользят, и на этот раз одна из них отрывается от перил, так что она висит на кончиках четырех пальцев.

– Давай, Кристина! – кричит Ал на удивление громко.

Она смотрит на него. Он хлопает в ладони.

– Давай держись. Ты можешь. Держись за перила.

Хватит ли мне сил, чтобы не уронить ее? Стоит ли вообще пытаться, если я знаю, что слишком слаба и не могу ей помочь?

Я знаю, что это за вопросы: оправдания. «Здравый смысл способен оправдать любое зло; вот почему для нас так важно не опираться на него». Это слова отца.

Кристина взмахивает рукой, нащупывая перила. Больше никто ее не подбадривает, только Ал хлопает в свои большие ладони и кричит, не сводя с нее глаз. Жаль, я так не могу; жаль, мне не пошевелиться; я лишь смотрю на нее и недоумеваю, давно ли стала столь отвратительной эгоисткой.

Я гляжу на часы Ала. Прошло четыре минуты. Он чувствительно пихает меня локтем в плечо.

– Давай, Кристина, – говорю я. Мой голос не громче шепота, и я прочищаю горло. – Осталась минута.

На этот раз у меня получается громче.

Вторая рука Кристины находит перила. Ее руки трясутся так сильно, что мне кажется, будто сама земля содрогается подо мной, отчего все перед глазами

качается, просто я не замечаю.

– Давай, Кристина, – произносим мы с Алом, и, когда наши голоса сливаются, я начинаю верить, что мне хватит сил ей помочь.

Я помогу ей. Если она опять соскользнет, я помогу.

Очередная волна разбивается о спину Кристины, обе ее руки соскальзывают с перил, и она вопит. Я тоже издаю вопль. Он словно доносится со стороны.

Но Кристина не падает. Она хватается за прутья ограждения. Ее пальцы скользят вниз по металлу, пока голова не исчезает из виду; остаются лишь пальцы.

На часах Ала горит 5.00.

– Пять минут прошло. – Он почти выплевывает эти слова в Эрика.

Эрик смотрит на свои часы. Неторопливо, наклоня запястье, а у меня тем временем скручивает живот и не хватает воздуха. Я моргаю и вижу сестру Риты на мостовой под железнодорожными рельсами; руки и ноги согнуты под неестественными углами; я вижу, как Рита кричит и плачет; я вижу, как я отворачиваюсь.

– Хорошо, – произносит Эрик. – Можешь подниматься, Кристина.

Ал направляется к перилам.

– Нет, – отрезает Эрик. – Она должна подняться сама.

– Нет, не должна! – рычит Ал. – Она сделала, как вы велели. Она не трусиха. Она сделала, как вы велели.

Эрик не отвечает. Ал перегибается через перила, и ему хватает роста, чтобы дотянуться до запястья Кристины. Она хватает его за предплечье. Ал тянет ее наверх, его лицо красное от досады, и я бросаюсь вперед, чтобы помочь. Как я и подозревала, я слишком маленькая, чтобы от меня был прок, но я подхватываю

Крестину под мышку, когда она оказывается достаточно высоко, и мы с Алом перетаскиваем ее через ограждение. Она падает на землю, ее лицо все еще в пятнах крови после драки, спина насквозь мокрая, тело дрожит.

Я опускаюсь рядом на колени. Она поднимает взгляд на меня, затем на Ала, и мы вместе переводим дыхание.

Глава 10

Ночью мне снится, что Кристина снова висит на перилах, на этот раз цепляясь пальцами ног, и кто-то кричит, что только дивергент может ей помочь. Поэтому я бросаюсь вперед, чтобы вытащить ее, но кто-то сталкивает меня с обрыва, и я просыпаюсь, прежде чем разбиться о камни.

Потная и дрожащая, я иду в женскую ванную, чтобы принять душ и переодеться. Когда я возвращаюсь, поперек моего матраса написано «Сухарь» красной краской из баллончика. То же слово написано буквами помельче на каркасе кровати и еще раз – на подушке. Я оглядываюсь по сторонам, мое сердце колотится от злости.

Питер стоит за моей спиной и насвистывает, взбивая свою подушку. Трудно поверить, что я ненавижу такого доброго на вид человека – его брови от природы приподняты, и у него широкая белозубая улыбка.

– Классно смотрится, – замечает он.

– Я тебя случайно чем-то обидела? – спрашиваю я, хватаю простыню за угол и сдергиваю с кровати. – Может, ты не заметил, но мы теперь в одной фракции.

– Понятия не имею, о чем ты, – отмахивается он и смотрит на меня. – К тому же мы с тобой никогда не будем в одной фракции.

Я качаю головой, снимая наволочку с подушки. «Только не злись». Он хочет вывести меня из себя; ему это не удастся. Но всякий раз, когда он ударяет по своей подушке, мне хочется врезать ему в живот.

Входит Ал, и мне даже не приходится просить его о помощи; он просто подходит и помогает мне снять постельное белье. Кровать придется отскребать потом. Ал относит стопку простыней в корзину, и мы вместе идем в тренировочный зал.

– Не обращай на него внимания, – советует Ал. – Он идиот и, если ты не станешь злиться, рано или поздно прекратит.

– Хорошо.

Я касаюсь щек. На них еще горит румянец злости. Надо отвлечься.

– Ты разговаривал с Уиллом? – тихо спрашиваю я. – Ну, после... сам знаешь.

– Да. С ним все в порядке. Он не сердится. – Ал вздыхает. – Теперь меня запомнят как парня, который первым вырубил другого.

– Не самый худший способ запомниться. По крайней мере, с тобой остерегутся враждовать.

– Есть способы и получше. – Он подталкивает меня локтем, улыбаясь. – Ты вот первая прыгнула.

Может, я и первая прыгнула, но подозреваю, что моя слава среди лихачей на этом и закончится.

Я прочищаю горло.

– Один из вас должен был потерять сознание, сам знаешь. Если не он, значит, ты.

– И все же я не хочу больше этого делать. – Ал качает головой, слишком долго, слишком быстро, и шмыгает носом. – Правда не хочу.

Мы подходим к двери тренировочного зала, и я отвечаю:

– И все же тебе придется.

У него доброе лицо. Возможно, он слишком добрый для лихача.

Я захожу и смотрю на классную доску. Вчера мне не пришлось сражаться, но сегодня непременно придется. При виде своего имени я замираю с занесенной ногой.

Мой противник – Питер.

– О нет! – восклицает Кристина, которая, шаркая, входит за нами.

Ее лицо в синяках, и такое впечатление, что она изо всех сил старается не прихрамывать. При виде доски она комкает бумажку от маффина, которую держала в кулаке.

– Они что, серьезно? Они правда хотят заставить тебя драться с ним?

Питер почти на фут выше меня и вчера победил Дрю меньше чем за пять минут. Сегодня лицо Дрю скорее черно-синего, чем розового цвета.

– Может, тебе пропустить пару ударов и притвориться, будто потеряла сознание? – предлагает Ал. – Никто не станет тебя винить.

– Ага, – отвечаю я. – Может быть.

Я гляжу на свое имя на доске. Мои щеки пылают. Ал и Кристина просто пытаются помочь, но до чего досадно, что они даже в глубине души не верят, будто у меня есть шанс одержать верх над Питером!

Я стою у стены, вполуха слушая болтовню Ала и Кристины, и наблюдаю за схваткой Молли и Эдварда. Он намного проворнее, так что сегодня Молли не победить.

По мере того как драка продолжается и мое раздражение утихает, я начинаю нервничать. Вчера Четыре советовал играть на слабостях противника, но, не считая полного отсутствия привлекательных черт, у Питера нет недостатков. Он достаточно высокий, чтобы быть сильным, но не настолько крупный, чтобы быть

медлительным; у него нюх на чужие уязвимые места; он злобный и не станет меня жалеть. Хотелось бы сказать, что он меня недооценивает, но это ложь. Я действительно такая неумеха, как он считает.

Возможно, Ал прав, и мне следует пропустить пару ударов и притвориться, будто я потеряла сознание.

Но я не вправе даже не попытаться. Я не должна стоять в списке последней.

Когда Молли приподнимается с пола, явно оглушенная ударами Эдварда, мое сердце колотится так сильно, что пульсируют даже кончики пальцев. Я забыла, как стоять. Забыла, как бить. Я иду на середину арены, и у меня сводит живот, когда Питер направляется ко мне. Он выше, чем казалось, и мышцы его рук напряжены. Он улыбается мне. Интересно, если меня на него стошнит, это поможет?

Сомневаюсь.

– Все нормально, Сухарь? – спрашивает он. – У тебя такой вид, будто ты вот-вот заплачешь. Возможно, я не буду особо усердствовать, если ты разрыдаешься.

За плечом Питера я вижу у двери Четыре со сложенными на груди руками. Он кривит рот, как будто только что проглотил что-то кислое. Рядом с ним стоит Эрик и притопывает ногой быстрее, чем бьется мое сердце.

Только что мы с Питером стояли и смотрели друг на друга, и вот уже Питер поднимает руки к лицу, согнув локти. Его колени тоже согнуты, как будто он готовится прыгнуть.

– Ну же, Сухарь. – Его глаза сверкают. – Хватит и одной слезинки. Давай моли о пощаде.

При мысли о том, чтобы молить Питера о пощаде, у меня горчит во рту, и я автоматически пинаю его в бок. Или пнула бы, не поймай он мою ступню и не дерни на себя, заставив потерять равновесие. Я шлепаюсь спиной об пол, выдергиваю ногу и неуклюже поднимаюсь.

Я должна оставаться на ногах, чтобы он не пнул меня в голову. Это единственное, о чем я могу думать.

– Хватит играть с ней! – рявкает Эрик. – Я не собираюсь торчать здесь весь день.

Лукавая гримаса Питера тает. Он дергает рукой, и боль пронзает мою челюсть и разливается по лицу, отчего темнеет в глазах и звенит в ушах. Я моргаю и кренюсь набок, а комната тем временем куда-то падает и качается. Не помню, как его кулак коснулся меня.

Я слишком ошарашена, чтобы что-то делать, кроме как пятиться от него, насколько позволяет арена. Он бросается ко мне и сильно бьет в живот. Его нога вышибает воздух из легких, и мне больно, так больно, что невозможно дышать, а может, это из-за удара, не знаю, я просто падаю.

«Не падать». Это единственное, о чем я думаю. Я заставляю себя встать, но Питер уже здесь. Он хватается меня за волосы и бьет в нос. Эта боль другая, меньше похожа на укол и больше – на хруст, она хрустит у меня в голове, и перед глазами мелькают разноцветные пятна, синие, зеленые, красные. Я пытаюсь оттолкнуть его, молочу по рукам, и он снова бьет меня, на этот раз по ребрам. Мое лицо мокрое. Чертов нос. Наверное, это кровь, но голова слишком кружится, чтобы посмотреть вниз.

Он толкает меня, и я снова падаю, скребу руками по земле и моргаю, заторможенная, вялая, разгоряченная. Я кашляю и с трудом встаю. Лучше бы полежать, ведь комната кружится так быстро. И Питер кружится вместе с ней; я центр плоскости вращения, единственная неподвижная точка. Что-то прилетает мне в бок, и я снова едва не падаю.

«Не падать, не падать». Я вижу перед собой плотную массу, чье-то тело. Я бью со всей силы, и мой кулак попадает во что-то мягкое. Питер неубедительно стонет и шлепает меня по уху ладонью, тихонько посмеиваясь. У меня звенит в ушах, и я пытаюсь сморгнуть черные пятна; и как это мне что-то попало в глаза?

Краем глаза я вижу, как Четыре распахивает дверь и выходит. Очевидно, эта схватка ему не слишком интересна. Или он собирается выяснить, почему все кружится волчком, и я его прекрасно понимаю; мне тоже хотелось бы знать.

Колени подламываются, щека касается прохладного пола. Что-то бьет меня в бок, и я впервые кричу; пронзительный визг принадлежит кому-то другому, не мне; еще удар в бок, и я больше ничего не вижу, даже того, что под самым носом, мир гаснет. Кто-то кричит: «Хватит!» И я думаю: «слишком много» и «совсем ничего».

Проснувшись, я почти ничего не чувствую, только кашу внутри головы, как будто ее набили ватными шариками.

Я знаю, что проиграла, и единственное, что сдерживает боль, – то же, от чего путаются мысли.

– Ее глаз уже почернел? – спрашивает кто-то.

Я открываю один глаз – второе веко как будто приклеили. Справа от меня сидят Уилл и Ал; Кристина сидит слева на кровати, прижимая к челюсти пакет со льдом.

– Что с твоим лицом? – спрашиваю я.

Мои губы распухли и плохо слушаются. Она смеется.

– На себя посмотри! Раздобыть тебе глазную повязку?

– Что с моим лицом, я и так знаю, – отвечаю я. – Я при этом присутствовала. В некотором роде.

– Никак ты шутишь, Трис? – усмехается Уилл. – Надо почаще давать тебе обезболивающее, раз ты отпускаешь на нем шуточки. А ответ на твой вопрос – я ее побил.

– Поверить не могу, что ты проиграла Уиллу, – качает головой Ал.

– А что? Он хорош. – Кристина пожимает плечами. – К тому же, кажется, я наконец поняла, как перестать проигрывать. Надо просто не давать им бить меня в челюсть.

– Долго же до тебя доходило. – Уилл подмигивает ей. – Теперь ясно, почему ты не эрудитка. Туго соображаешь!

– Ты нормально себя чувствуешь, Трис? – спрашивает Ал.

У него карие глаза, почти такого же цвета, как кожа Кристины. На щеках щетина, и похоже, если бы он не брился, то обзавелся бы густой бородой. Сложно поверить, что ему всего шестнадцать лет.

– Ага, – отвечаю я. – Жаль только, нельзя остаться здесь навсегда и больше не видеть Питера.

Но я не знаю, где это – «здесь». Я лежу в длинной узкой комнате с двумя рядами кроватей. Между некоторыми кроватями – занавески. С правой стороны – пост медсестры. Наверное, лихачи лежат здесь, когда болеют или поранились. Женщина на посту наблюдает за нами поверх планшета. Я никогда еще не видела медсестер с таким обилием сережек в ухе. Некоторые лихачи должны добровольно выполнять работу, которой традиционно занимаются другие фракции. В конце концов, для лихачей нет смысла тащиться в городскую больницу по всяким пустякам.

Впервые я попала в больницу в шесть лет. Мать упала на тротуаре перед нашим домом и сломала руку. Услышав ее крик, я разрыдалась, но Кaleb просто молча побежал к отцу. В больнице товарка в желтой блузке, с чистыми ногтями, улыбаясь, измерила маме кровяное давление и вправила кость на место.

Помнится, Кaleb сказал матери, что рука заживет за месяц, потому что это всего лишь трещина. Я думала, он ее успокаивал, поскольку именно так поступают самоотверженные люди, но что, если он просто повторил то, что узнал? Что, если все его альтруистические склонности были на самом деле замаскированными чертами эрудита?

– Не переживай из-за Питера, – говорит Уилл. – По крайней мере, его побил Эдвард, который с десяти лет удовольствия ради учился рукопашному бою.

– Ладно. – Кристина смотрит на часы. – Похоже, мы опаздываем на ужин. Хочешь, посидим с тобой, Трис?

Я качаю головой.

– Все нормально.

Кристина и Уилл встают, но Ал жестом отсылает их вперед. У него ярко выраженный запах – приятный и свежий, похожий на шалфей и лемонграсс. Когда он ворочается по ночам, запах доносится до меня, и я понимаю, что Алу привиделся кошмар.

– Я просто хотел предупредить, что ты пропустила объявление Эрика. Завтра мы отправляемся на экскурсию к ограде, чтобы узнать об обязанностях лихачей, – говорит он. – Мы должны сесть на поезд в четверть девятого.

– Хорошо, – отвечаю я. – Спасибо.

– И не обращай внимания на Кристину. Ты не так уж плохо выглядишь. – Он чуть улыбается. – В смысле, ты выглядишь хорошо. Как и всегда. То есть... ты выглядишь смелой. Лихой.

Он отводит глаза и скребет в затылке. Тишина становится нестерпимой. Очень мило с его стороны, но по его поведению кажется, что это не просто слова. Надеюсь, я ошибаюсь. Меня не может тянуть к Алу – он слишком слаб для этого. Я улыбаюсь, насколько позволяет покрытая синяками щека, в надежде, что это разрядит обстановку.

– Ладно, не буду мешать отдыхать, – говорит он.

Он встает, чтобы уйти, но я хватаю его за запястье.

– Ал, с тобой все хорошо? – спрашиваю я.

Он непонимающе глядит на меня, и я добавляю:

– В смысле, тебе стало легче?

– Э-э... – Он пожимает плечами. – Немного.

Он выдергивает руку и засовывает в карман. Наверное, вопрос смутил его, потому что я впервые вижу его таким красным. Если бы я рыдала по ночам в подушку, я бы тоже немного смутилась. По крайней мере, когда я плачу, я знаю, как это скрыть.

– Я проиграл Дрю. После твоей схватки с Питером. – Он смотрит на меня. – Я пропустил несколько ударов, упал и замер. Хотя это было необязательно. Я решил... я решил, что поскольку я победил Уилла, то могу проиграть всем остальным и все же не оказаться в списке последним. Зато мне больше не придется никого бить.

– Ты действительно этого хочешь?

Он смотрит в пол.

– Я просто не могу. Возможно, это значит, что я трус.

– То, что ты не хочешь причинять другим боль, еще не значит, что ты трус, – говорю я, поскольку обязана это сказать, пусть даже не уверена в своих словах.

На мгновение мы замираем и глядим друг на друга. Возможно, я не солгала. Если он и трус, это не потому, что он боится боли. Это потому, что он не хочет действовать.

Он страдальчески глядит на меня и спрашивает:

– Как по-твоему, наши семьи навещают нас? Говорят, семьи переходников никогда не приходят в День посещений.

– Не знаю, – отвечаю я. – И не знаю, хорошо это или плохо, если навещают.

– Думаю, плохо. – Он кивает. – Нам и без того нелегко.

Он снова кивает, как бы в подтверждение своих слов, и уходит.

Меньше чем через неделю неопиты Альтруизма смогут навестить свои семьи впервые после Церемонии выбора. Они отправятся домой, усядутся в гостиных и впервые будут общаться с родителями как взрослые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/veronika-rot/izbrannaya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)